

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Каждое утро я ехал я по извилистой арзнийской дороге в поселок Егвард, милый и близкий моему сердцу. Там находился мой рабочий кабинет. Ехал на работу. Накануне я завершил путешествие по Армении, и вышло так, что финиш оказался в Наирийском районе. В поселке Егвард. Здесь я заканчивал книгу о своем путешествии через все тысяча шестьдесят три населенных пункта республики. О преобразованном крае. О возрожденном моем народе.

Работа шла, как говорится, полным ходом. Ничто мне не мешало. Теперь, уже за рабочим столом, я мысленно возвращался к местам, где был недавно, где пил воду из армянских родников.

Но пришел день, когда работа моя остановилась. По утрам, как и прежде, я отправлялся в Егвард к рабочему столу, но почему-то не писалось, не стучалось, не работалось. Меня обуревали совсем другие мысли. Это началось с тех пор, как я узнал, что в Ливане правые экстремисты напали на армянскую общину. В тот день я почувствовал, что должен собственными глазами увидеть моих братьев в Ливане. Я еще не знал, реализуема ли вообще подобная идея? Поеду ли я в Ливан? Но, надеясь на интуицию, веря в нее, стал изучать эту страну. Мне уже было известно, что Ливан — одно из семнадцати государств, омываемых Средиземным морем. Он составляет узкую полосу длиной в двести, шириной до шестидесяти километров. Площадь его равна примерно трети Советской Армении. Знал и о том, что название его происходит от древнесемитского слова «лабан», что означает «белый».

Некоторые считают, что Ливан только в наше время стал одной из «горячих точек планеты». Это не так. На протяжении веков, а то и тысячелетий, он являлся такой же горячей точкой. Слишком уж лакомым кусочком была эта страна — райский уголок на берегу Средиземного моря. Ливан завоевывали Ассирия и Персия, Александр Македонский и турец-

кие сельджуки. О нем мечтал и Наполеон, и целые поколения английских королей. Но практически страну уничтожили турки-сельджуки. Они уничтожили не только ее богатство и культуру, многие обычаи финикийцев, но, наконец, и саму Финикию.

В своей борьбе против османского ига ливанцы искали поддержку у Франции и Англии. В те времена они другого выхода не видели. Они не знали, что, «обвиняя Турцию в неумении навести порядок, правительства Франции и Англии в то же время пристально следили за тем, чтобы политика, проводимая турецкими властями, не вела к ослаблению религиозного антагонизма и политической борьбы между различными правящими феодальными группировками».

Не знали они и другого утверждения историка: «Порта в свою очередь также была заинтересована в сохранении религиозной вражды, ибо, следуя классической формуле «разделяй и властвуй», стремилась сохранить свою власть в Ливане».

Пошли ли впрок уроки истории? Нет. Сегодня в этой стране те же проблемы, привнесенные извне. Сегодня, как и прежде, правящие круги страны тянутся к Англии и Франции, Турции и США. И если усилиями прогрессивных сил мира, в особенности Советского Союза, в конце Второй мировой войны было создано, наконец, единое Ливанское государство, то теперь вновь стоит вопрос: быть ему или не быть?

Ливан — страна с чрезвычайно сложным религиозным составом населения: в нем насчитывается около двадцати различных религиозных и национальных общин и сект. До последнего времени большинство составляли марониты. Это — арабы-католики, имеющие собственного патриарха, хотя и признающие главенство папы римского.

Христианство в Ливане стало распространяться в конце I века нашей эры. Господствующей религией оно стало после захвата страны Византией. Это произошло в VII—VIII веках. После прихода арабов (XII век) часть населения приняла ислам. Однако тогда между носителями различных религий особых противоречий не было. Арабские правители проводили политику веротерпимости. Это позволяло арабизировавшемуся населению продолжать исповедовать христианство. Беда в страну пришла после оккупации ее турками, воинственными религиозными фанатиками. Историки утверждают, что вражда, посеянная турецкими сельджуками между различными религиями в Ливане, продолжается фактически и поныне.

Марониты составляют особую христианскую церковь: в мифическом (с их точки зрения) Иисусе Христе они признают наличие двух естеств — божественного и человеческого.

Армянская апостольская церковь — третья в Ливане по числу приверженцев христианской веры. Около двух третей армян проживают в столице, большей частью — в Восточном Бейруте, остальные — рассеяны в горном Ливане.

Христиане составляют сегодня примерно половину населения страны. Вторая половина — мусульмане, включает три течения: сунниты, шииты, друзы.

Спора нет, религиозные фанатики есть и среди мусульман, и среди христиан. Именно на них и опираются сегодня внешние силы, проводя политику, ведущую к разобщению страны. Спекулируют на извечном желании маронитов (считающих себя аборигенами страны) иметь привилегии в государстве. Спекулируют на фанатичном предписании ислама, именуемом «джихад» или «газават», по которому не должна прекращаться «священная» война против иноверцев. Именно поэтому среди мусульман Ливана распространяется утверждение, что их страна является своеобразной моделью будущего всей планеты. И «священная» война начнется в первую очередь в тех странах, где совместно проживают христиане и мусульмане.

По государственной структуре Ливан представляет собой буржуазно-парламентскую республику, построенную на конфессиональной основе. Это означает, что распределение наиболее важных государственных постов между представителями различных религиозных общин проводится в зависимости от их величины. Четко это положение не зарегистрировано нигде. По крайней мере, письменно. Просто в 1943 году при образовании независимого государства лидеры христиан и мусульман устно договорились о количественном представительстве общин в государственных учреждениях. Пропорция такая: на каждые 6 христиан — 5 мусульман. Законодательную власть в стране осуществляет палата депутатов — парламент. Из 99 депутатов: 54 — представители христиан (в том числе 6 армян), 45 — представители мусульманской общины.

* * *

В эти дни я многое узнал о Ливане. И чем больше узнавал об этой стране, тем интереснее она для меня становилась.

О промышленности Ливана мне трудно сказать что-нибудь определенное. Вместе с кустарными промыслами она дает не-

многим более десяти процентов национального дохода страны. Сельское хозяйство — и того меньше. Более двух третей национального дохода дают торговля и сфера услуг, куда входят банковская система, страхование, туризм. Практически Ливан не может существовать без внешней торговли. Потребности страны в основном удовлетворяются за счет импорта. Что же касается оборудования и сырья, они полностью завозятся извне.

В Ливане живет три миллиона человек. Один миллион — в Бейруте, который считается одним из крупнейших в мире торговых и банковских центров. Столица Ливана является также и штаб-квартирой Федерации арабских банков. Цифры, конечно, выразительные для одного населенного пункта: 73 банковских учреждения, 27 из них находятся под полным контролем иностранного капитала, 17 — филиалы иностранных банков. Отсюда можно сделать выводы и о повышенном интересе к этой стране различных заокеанских монополий, и о зависимости Ливана от внешнего мира. Одних только страховых компаний насчитывается более ста, и значительная их часть — иностранные.

Однако любые приводимые цифры уводят нас в прошлое Ливана. Ныне картина в стране иная. Трагическая. К этим цифрам надо, думаю, добавить еще одну: 300 тысяч палестинцев нашли здесь приют три десятилетия тому назад. По некоторым данным, это число сегодня удвоилось. Ибо иммиграция палестинцев продолжается.

С весны 1975 года мировая пресса пишет уже не о прославленном сервисе Бейрута, а о печальных событиях в городе. Почти каждый день о положении в Ливане пишут и советские газеты.

Наша страна недвусмысленно выступила на стороне тех ливанских сил, которые борются за достижение национального единства и целостности Ливанской республики. Мы всецело поддерживаем законное стремление ливанского народа быть хозяином своей судьбы и в соответствии с его коренными интересами разрешить нынешнее кризисное положение мирными средствами. И потому нет ничего удивительного в том, что советская общественность так решительно выступила против экстремистов, учинивших кровавую расправу над армянской общиной.

Миллионы братьев советских армян рассеяны по всему миру. Народ оказался на чужбине в результате геноцида.

О трагедии армянской общины в Ливане писала не только армянская пресса, но и центральные газеты. О ней говорили по

радио и телевидению из Москвы. Строки ТАСС были полны сострадания: «Болью сжимается сердце, когда узнаешь, что тысячи армян вынуждены покидать родные дома».

«Литературная газета» командировала меня в Ливан, чтобы я подготовил репортаж о положении в армянской общине. И сам этот факт тоже говорит о многом.

...Самолет из Москвы в Бейрут отправляется в семь утра. В пять к гостинице «Минск» подкатила машина. Меня приехали провожать ереванские инженеры Эдик Петросян и Юрий Манвелян, с которыми накануне мы вместе летели из Еревана в Москву. Ехали в Шереметьево молча. Все думали об одном. О трагедии в Ливане. О трагедии Бурдж-Хаммуда. Только раз Эдик нарушил молчание: «Там, в аэропорту, сейчас много наших. Армяне, которые узнали от нас, что ты летишь в Бейрут, тоже хотят тебя проводить».

Действительно, меня провожало много людей. Среди них были и знакомые. Но многих я видел впервые. Стояли молча. Беспрестанно курили. Заговорили только в последний миг, когда я уже не мог ничего разобрать. В ушах звучало одно: «Передай приветы нашим. Пусть во что бы то ни стало держатся. Они не одни».

* * *

Самолет совершил посадку в Ереване. Я был уверен, что здесь мы непременно задержимся, и не ошибся. В Бейрут давно не было полетов, и накопилось много пассажиров. Мне разрешили присутствовать при таможенном осмотре. В зале было тихо. Казалось, людей и не интересует сама проверка. Они везли вещи, которые в другой раз, может, вызвали бы недоумение. Банки варенья и меда, куклы, наборы игрушек, скороварки, подарки «С Новым годом», книги...

Вспомнил, как однажды я оказался свидетелем проводов ливанцев в Бейрут: шум, веселье, смех, резвящиеся дети. Сейчас даже дети, казалось, чувствуют трагедию. Почти все пассажиры из Ливана. Они приехали к родным и близким. Многие спешили на празднование 150-летия присоединения Восточной Армении к России. Они прибыли до того, как в Бурдж-Хаммуде и других армянских кварталах началась «кровавая неделя», о которой сообщали теперь уже все союзные и республиканские газеты, радио и телевидение. Большинство отъезжающих, как потом выяснилось, — жители Бурдж-Хаммуда. Они спешили в Бейрут. И боялись возвращаться. Боялись

встретиться с горем. С разрушенным домом. С известием о том, что погибли родные.

Да, это были уже не прежние пассажиры. Эти спешили на встречу драме. Но я поймал себя на том, что, как и в прошлый раз, когда был свидетелем веселых и беспечных проводов, думал о том же. Современные идеологи неофашизма требуют забыть преступления, совершенные в прошлом. А я смотрю на моих соотечественников, собирающихся вот-вот вылететь на чужбину... к себе домой, и думаю: геноцид, страшнейшее преступление перед человечеством, не имеет границ во времени. Геноцид — это вечная нескончаемая боль, пока не будет действенного прощения и воздаяния.

А разве не трагедия то, что я сейчас наблюдаю в аэропорту. В Бейрут летит тихая, перепуганная женщина. Ее родные живут в Ереване, они приехали в Советский Союз в 1946 году. Есть у нее родственники и в Париже, и в Австралии, и в США. Зовут ее Вардуи Мелконян. Она говорит: «Болею я часто. Мало осталось мне жить. Уйду скоро, так и не поняв, что такое счастье и есть ли оно на свете. Вот и теперь, Бурдж-Хаммуд...» Да, трагедия продолжается.

Но есть одно утешение: в Бейрут везут не только книги, куклы и скороварки. Я видел детские коляски. Их везут из Советской Армении в самое трагическое время в Бейрут, для бейрутцев.

* * *

В аэропорту я познакомился с седовласым старцем Мхитаром Саркисяном. Он гостил у сыновей в Ереване, теперь едет в Бейрут, к дочерям, которые со своими семьями живут в Нор-Агине. Как и многие другие, он нагружен игрушками. Очки у него с толстенными стеклами. Временами он осторожно доставал из кармана коробку, в которой, тщательно упакованные, лежали несколько пар оптических стекол. «У меня уже опыт, — поясняет он, — в прошлую войну разрушили десятки магазинов. А стекла для очков можно купить только в магазине. Тогда я долго ходил, точно слепой, пока нашел новые очки взамен разбитых. Боюсь, — как бы все не повторилось. Вот и запасаю стеклами в Ереване».

* * *

В самолете по соседству со мной оказался Арутюн Торосян. Я знал о нем понаслышке, но встречаться не доводилось. Лет сорока пяти. Широкоплечий, с густой бородой и большими

грустными глазами. Художник, искусствовед, ассистент Бейрутского армянского высшего учебного заведения. Работы его выставлялись во многих городах Ливана, США, в Париже. Вместе с семьей он приехал в Ереван на празднование 150-летия присоединения Восточной Армении к России. С ним жена и двое маленьких детей. О событиях в Ливане он узнал в Ереване. Теперь едет в Бейрут, беспокоится, живы ли родственники, уцелел ли дом. Стараются быть спокойным, но не может скрыть, что само приближение к Бейруту вызывает в нем тревогу и страх. Впрочем, неизвестность ничуть не лучше.

* * *

Пока мы беседовали с Торосьяном, к нам подошел высокий стройный человек средних лет и пригласил к себе в первый салон. Это был Эрнест Овакимович Сафарян, дипломат, второй секретарь советского Посольства в Ливане.

Разговорились. Уже через полчаса казалось, мы знаем друг друга давно. Я достал из паспорта фотографии троих моих малышей. Он показал снимки своих двух мальчиков. Еще два часа назад дома стоял рев. Дети не пускали отца. Они почти не расставались. А тут из-за начавшихся жестоких боев в Восточном Бейруте всех детей посольских служащих и других советских учреждений эвакуировали в СССР. Уехали, конечно, и жены. Уехали детский сад и школа. Военное положение.

В связи с моей миссией мне несказанно повезло с таким спутником. По прибытии в Ливан я должен был, прежде всего, представиться послу и тому сотруднику посольства, который занимается вопросами армянской общины. Эрнест Сафарян оказался именно тем самым сотрудником.

* * *

Уже объявлено, что самолет идет на посадку, а под крылом все еще виднеется город. То показывается часть Средиземного моря, то вновь полоса суши. И дома, дома, дома. Самолет сделал последний разворот, и казалось, что он вот-вот заденет крылом стену какого-нибудь жилого дома.

Уже почти четыре года все газеты мира пишут о боях в Бейруте. Это длится так долго, что, кажется, будто этого города уже не должно быть на карте. А он стоит. Красивый. Гордый. Мирный. По крайней мере, таким он видится сверху. Меня поразило, что там, внизу, недалеко от бетонированной дорожки аэродрома люди в белых трусиках играли в теннис. Это было видно

совершенно отчетливо, ибо до посадки оставались считанные секунды. Как-то не клеилось: «положение в Бейруте» в прессе и по телевидению и этот архимирный, «интеллигентный» теннис. Не клеилось. Бейрут представлялся мне адом. А тут теннис. Ад и... теннис.

В аэропорту меня встретил собственный корреспондент «Литературной газеты» по Ближнему Востоку Игорь Беляев. Садясь в его машину, я обратил внимание на пробоину в капоте. Машина новенькая, и пробоина, как видно, свежая. Коллега, заметив мой взгляд, только улыбнулся:

— Ерунда. Третьего дня пальнули. Еле увернулся. Главное — жив. Что касается дырки, уже подал документы в страховую контору.

Игорь Петрович, наверное, подумал, что он успокоил меня упоминанием о страховой конторе. Вот как все просто. Кто-то в тебя пальнет, и если повезет и останешься в живых, то отправишь документы в страховую контору.

* * *

Александр Алексеевич Солдатов. Посол Советского Союза. Человек с добрыми прищуренными глазами. Выслушал меня, потом сам заговорил. Рассказывал о подробностях событий в армянских кварталах. Я попросил его помочь мне попасть в Восточный Бейрут. Посол покачал головой: «Это невозможно». Я настаивал: мне это было просто необходимо, иначе грош цена моей командировке. Я должен непременно своими глазами повидать Бурдж-Хаммуд и другие пострадавшие армянские районы Бейрута.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, — сказал Александр Алексеевич. — Это не безопасно. Каждый день снайперы убивают людей прямо на улице.

Посол был неумолим. Его не убедили ни мои доводы, ни доводы Игоря Беляева. Он только повторил: «Убийство собственного корреспондента советской газеты — это международный скандал».

Однако во время разговора Александр Алексеевич обронил одну фразу, за которую я потом ухватился. Он сказал, что мог бы разрешить мое «путешествие» при условии, что меня будет сопровождать вооруженная охрана.

Армянская община обеспечила мне такую охрану.

Разрешение было получено. Мы готовились к поездке в Восточный Бейрут. Завтра в восемь утра выезжаем. С тех пор

как разыгралась трагедия в армянской общине, никто из советских людей еще не был на той стороне. Здесь так и говорят: «на той стороне», то есть в восточной части города. Там живут в основном армяне.

* * *

Всю ночь в моем номере гостиницы «Атлантик» горел свет. Накануне мне принесли последние номера газеты «Канч» («Зов»), и номер за номером я читал материалы о жертвах в армянских районах. Перелистывал страницы «Канча», и мне казалось, что я дома, в Ереване. Вот перепечатана статья Мариэтты Шагинян из «Литературной газеты». Вот напечатан некролог и портрет народного артиста Советского Союза Гургена Джанибекяна. Большая статья о мерах, проводимых в Советской Армении по спасению Севана. Вот материалы Арменпресса, которые печатались в армянских и русских газетах, о трагедии армянской общины. Во всех десяти номерах «Канча» на последней, восьмой полосе, размещены призывные статьи страстного патриота, коммуниста, прекрасного поэта Гарника Аджаряна. Это о нем в свое время Илья Сельвинский писал: «Есть поэты, вся жизнь и творчество которых подобны стреле, пущенной в цель. Такими были Маяковский, Чаренц, Арагон. По своей человеческой и литературной природе к ним примыкает Гарник Аджарян: это подлинный трибун».

В газете часто встречается имя Камиля Шамуна, одного из лидеров правых экстремистов. Я удивлялся, что катайбов (фалангистов) и прочих правых мы называем христианами. Знакомая на месте с результатами действий фалангистов, убеждаешься, что термин «христиане» или «правохристиане» в данном случае совершенно неуместен. Права мудрая Мариэтта Шагинян, написавшая в «Правде», что в «старые недобрые времена таких деятелей называли погромщиками, черною сотней, а позже — фашистами».

В бейрутских газетах приводятся цитаты из выступлений Шамуна во французской прессе. Он цинично признается, что армян убивают потому, что они не пошли вместе с ними. А кто не с ними, тот против них. Для достижения цели все средства хороши. На знаменах правых христиан высокопарно написано «Бог. Родина. Семья». Лозунг этот они взяли у фашистского диктатора Франко. В первых же сообщениях о трагедии армянской общины была попытка запутать читателей рассказами о том, что, мол, христиане (скажем, катайбы) убивают христиан

(армян). Когда Гитлер первого сентября 1939 года оккупировал Польшу и принялся варварски уничтожать поляков, никому и в голову не приходило, что христианин Гитлер уничтожает христиан поляков. А христианин Франко в своей Испании убивал не просто христиан, а своих собратьев, убивал испанцев.

И вообще употреблять термин «христиане» к экстремистам — значит, как-то оправдывать их. Оправдывать хотя бы религиозным фанатизмом. У меня на столе газета, выходящая в стане правых. На ее страницах печатается портрет Талаата, организатора геноцида армян в Османской империи. Почему же у «поборников» христианства вдруг оказался в почете ярый враг христианства Талаат? Ларчик раскрывается просто: весь мир знает, что организаторы геноцида армян в Османской империи впоследствии стали духовными отцами фашизма. Гитлер учился у Талаата. И, посылая своих головорезов уничтожать целые народы (христианские и нехристианские), Гитлер, как известно, заранее отпускал будущие грехи немецким солдатам. Он говорил им: «Кто сейчас помнит об уничтожении армян?»

Вторая мировая война, победа над гитлеровским фашизмом, показали, что мир хорошо помнил о резне армян.

Теперь, судя по всему, ультрафашисты решили еще раз проверить народную память.

* * *

Не могу уснуть. То и дело зажигаю свет, делаю записи в блокноте. Стараюсь не думать о завтрашней поездке в Восточный Бейрут, где еще продолжается стрельба, где снайперы, скрываясь на крышах высотных домов, стреляют в прохожих. Кстати, сверху не разберешь цель: христианин или мусульманин. Старик, женщина, ребенок — все равно. Здесь людей именуют «движущейся мишенью». Думаю о предстоящей поездке и ощущаю в душе тревогу. Трое малышей у меня, а я через несколько часов тоже стану «движущейся мишенью».

Неожиданно среди ночи раздалась выстрелы. Частые. Одиночные. Артиллерийские. Выскочил на балкон — в небе над домами зажигаются и гаснут ракеты. Зазвенел телефон. Это Гарник Адарян. Он решил предупредить меня, чтобы я не беспокоился. Оказывается, в Бейруте чуть ли не у каждой религиозной секты свой Новый год, и выстрелы эти, как выразился Гарник, «праздничные». Через минуту позвонил поэт и общественный деятель Ваге Вагян. В течение нескольких минут, не смотря на позднее время, раздавались звонки. Последним поз-

вонил мой давнишний приятель Ерванд Касуни. Несколько лет назад в одной из аудиторий Ереванского государственного университета я был свидетелем триумфа Касуни. Он защищал кандидатскую диссертацию. Успешно. Под аплодисменты. В трубке раздался зарезительный хохот Ерванда, который означал: спи спокойно, это не те выстрелы.

«Канонада» длилась несколько часов. Я думал о Бейруте, о том, что его называют «Вторым Парижем», «Средиземноморской жемчужиной», «Мировой столицей сервиса». Это только с самолета город казался мне мирным и гордым. Теперь я успел осмотреть его поближе. Вместе с Игорем Беляевым мы объехали его вдоль и поперек. Бейрут напоминал изуродованную античную статую: он сильно разрушен, но совершенство форм и линий очевидно. Рядом с фешенебельным зданием стоит обуглившийся дом с зияющими окнами. В Бейруте все дома разные. Разные по архитектуре. И лишь разрушенные дома паразитно похожи друг на друга. От них веет ужасом и страхом. Только этого не видно сверху, с самолета.

Вслушиваешься в бойкие голоса торговцев ананасами и жареными каштанами, всматриваешься в беспечные лица празднично шатающихся прохожих, глядишь на бесчисленное множество автомашин всех марок и цветов, и кажется, будто город жив и здоров. Но вот на наших глазах двое долговязых парней тащат в машину грузного мужчину, истекающего кровью. Говорят, это обычная картина. Я сам видел, как из вишневого «шевроле» вышли четверо парней с автоматами и скрылись в подъезде дома. Трудно сказать, что там произойдет, в этом доме. Но вид у парней был далеко не мирный.

В Бейруте вот уже почти четыре года нет того, что называется институтом правосудия. Нет ни суда, ни следствия. Некому этим заняться. «Правые», и «левые», и «красные», и «зеленые», убивая друг друга, воюя друг с другом, к концу месяца получают деньги в одном и том же банке.

На перекрестке редко можно увидеть полицейских, регулирующих уличное движение. Люди к этому уже привыкли. Обходятся без них. Как признался Игорь Беляев, выработалось так называемое «правило высунутого носа». Тот, у кого первым показался нос машины, тот и получает право проезда. «Правило», конечно, не очень надежное. Чаще всего пробки образуются на подходах к постам межарабских сил. Посты эти буквально рассыпаны по Ливану. Нередко нас заставляли выходить из машины. Обыскивали, искали оружие. Неприятное ощущение.

Надо отдать должное ливанскому народу. Все-таки мы имеем дело с неким феноменом. Почти миллионный город. Чуть ли не полное отсутствие какой-либо власти. В гигантском населенном пункте неделями не бывает воды и электричества, и все же люди ухитряются сохранить привычный ритм жизни. Работают магазины. Продается и покупается все необходимое. Такую живучесть здесь часто объясняют собственной беспечностью. Но мне кажется, такая, с позволения сказать, философия людям просто навязана.

* * *

За рулем молодой армянин. Гладко выбрит. Курит сигару. Само спокойствие. Окончил исторический факультет Бостонского университета. Владеет английским, французским, арабским и, естественно, армянским. Рядом с ним его ближайший соратник и друг. Рыжеватая борода. Карие глаза. Я не могу назвать имен. Это небезопасно прежде всего для них самих. Ребята работают в той самой зоне, где бесчинствуют правые.

Мы проехали условную границу, отделяющую Западный Бейрут от Восточного. Все чаще встречаются военизированные посты межарабских сил. Впереди и позади нас — машины. В них молодые ребята, которые охраняют нас. Они вооружены и готовы в любой миг ринуться в бой, который может вспыхнуть в любую минуту. Одной из первых жертв был работник советского Посольства Роберт Мартиросян. Кто-то выстрелил в него сзади. Сейчас Роберт лежит парализованный. Ливанского коммуниста Рача Казанчяна привязали к машине за ноги и провезли по мостовым армянских кварталов. Фашисты бросили бомбу в коммуниста Андраника Товмасыана, когда он разносил газету компартии «Канч». Жертвы выбираются, как и некогда в фашистской Германии, вовсе не по религиозным принципам.

Восточный Бейрут сильно отличается от Западного. Трудно найти дом, который так или иначе не пострадал бы. Безжизненные дома и такие же кварталы. Но, пожалуй, сегодня в Бейруте наиболее драматично выглядят армянские кварталы. Здесь почти все районы носят армянские названия. И почти все начинаются со слова «Нор» («Новый»): Нор-Киликия, Нор-Сис, Нор-Мараш, Нор-Аманос, Нор-Агин. Здесь есть квартал Арагац и улица Аракс, магазины «Эребуни» и «Карабах», клуб «Сардарпат». Все это есть. Но точнее было бы сказать — было. Тысячи домов в аварийном состоянии. Без крыш. Без стен. Чудовищный град смертоносных бомб в течение двух недель падал с

неба. Снаряды летели и справа, и слева, и сверху. Чаще всего туда, где есть магазины, где есть предприятия. Бомбы летели в церкви. Я видел снесенные стены церквей. Неужто и после этого можно утверждать, что христиане стреляли в христиан? Правые экстремисты требовали, чтобы армяне выступили на их стороне. Между прочим, этого же требовали и мусульмане. Армяне, будучи между двух огней, отвечали: «Мы готовы вступить в бой с любым иноземным захватчиком, который попытается завоевать Ливан. Но несправедливо воевать с ливанским народом, с которым мы живем бок о бок». Свой нейтралитет армяне вынуждены защищать сегодня с оружием в руках.

Мы побывали во всех кварталах армянских районов. В каждом квартале менялись «гиды». Неизменными оставались лишь спокойно шагающие чуть поодаль ребята, держащие на весу заряженные автоматы. Мы заходили в разрушенные магазины, разрушенные дома. Везде идет ремонт. А кое-где, можно сказать, строительство. Остановились у небольшого магазинчика, занимающего комнату на первом этаже. По всему видно, что ремонт окончен. Занесены и расставлены некоторые товары — пестрые банки и коробки. К нам подошел хозяин. Поглядев на сопровождающих нас местных руководителей клубов и комитетов, хозяин магазина, видимо, догадался, что мы свои. Он обратился ко мне: «Хотите, я вам покажу фотографии месячной давности?» И показал. Магазины как таковые, собственно, не было. То, что есть теперь, построено за месяц. Мне потом объяснили: «Люди спешили с ремонтом, с восстановлением домов и магазинов не только потому, что нужно было жить, работать, иметь крышу над головой. Они спешили, чтобы не расслабиться, не отчаяться, не поддаться соблазну уехать в США».

В патриотическом (теперь уже военном) клубе «Азирян» шла беседа с жителями Бурдж-Хаммуда и других кварталов. Почти все наши собеседники держали в руках оружие. Среди них был молодой художавый парень — Нубар Минасян. Сейчас все в общине знают его и называют «великим оптимистом». Он женился сразу же после «кровавой недели» октября. Сыграли свадьбу. «Не беда, — говорит Нубар, — что церковь была полуразрушена, что стены зала, в котором мы сидели, были продырявлены. Главное, что мы поженились с моей Соной». Хочется верить, что дети Минасянов будут жить в мире. Но для этого надо всегда помнить о трагедии Бурдж-Хаммуда.

Как и везде, в клубе «Азирян» обсуждали проблему эмиграции армян. Сейчас это проблема номер один. Как правило, уез-

жают те, кто имеет достаточно средств, но уезжают и специалисты. И тут уже нельзя сказать, что это дело личное, частное. Ведь община в капиталистическом мире крепка лишь тогда, когда в ней имеются самые разные специалисты, разные слои общества. Отъезд хороших работников и вывоз капитала — это уже само по себе трагедия. Все уехать не смогут. Значит, пострадают те, кто останется. Вот почему эта проблема сегодня волнует здесь всех. И в первую очередь, армянские политические партии.

В одном из клубов я спросил наших собеседников: «Вы много говорите о проблеме эмиграции. Все мы обеспокоены тем, что армяне, уехавшие в США, непременно там «растворятся». В таком случае, почему вам не поехать в Советскую Армению?» Вопрос был воспринят очень серьезно. Приведу слова коммерсанта Погоса Мкртчяна: «Конечно, армяне всего мира хотели бы жить вместе. Но надо быть реалистами. Сегодня мы, дети и внуки переживших геноцид в Западной Армении, разбросаны по всему миру. И мы гордимся, что все же, как сегодня часто говорили, не растворились. В этом — живительная сила общин. Сила месроповских букв, сила любви к родине, к своей истории. Но мы сегодня такие, какие мы есть. Я, например, коммерсант, Саркис Саркисян — крупный бизнесмен. Мы родились и выросли здесь. Мы хотим выжить, вырастить детей и оставаться армянами. Правильно говорили, что даже в мать-Армению смогут поехать не все. Значит, правы и те, кто считает, что пострадают оставшиеся. Но есть и другое обстоятельство: я, например, несколько раз бывал в Советской Армении. Могу с гордостью и с уверенностью сказать, что есть мать-родина, есть Советская Армения. Такое чувство появилось у меня после первого посещения Еревана. И в то же время я, хозяин магазина, не смогу прижиться в Ереване. И перестроиться не смогу. Все намного сложнее, чем вам может показаться на первый взгляд. Я видел, как страдают наши родственники, которые выехали в Армению в 1946 году. Они лишились частной собственности. Об этом мы помногу и подолгу здесь говорили. Сейчас надо думать о том, как сохранить армянскую общину. Мы, слава Богу, теперь спокойны. Все читали и слышали, как откликнулась мать-родина на события, происходящие у нас в Восточном Бейруте, в армянской общине».

* * *

Из Бурдж-Хаммуда мы отправились в Бикфайю, где находится армянский храм, Армянская духовная семинария и из-

вестный на весь мир памятник, сооруженный в память жертв геноцида армян в Османской империи.

Ехали молча. Мысленно я вновь и вновь возвращался к тем беседам, которые совсем недавно велись в армянских клубах Бурдж-Хаммуда. Простые люди прекрасно разбираются в том, что происходит вокруг. Хорошо знают, кто их враги, а кто — друзья. Ничуть не сомневаются, что никакие провокации никогда не столкнут их с ливанским народом, частью которого они считают себя. Понимают, как глубоко ошибочно полагать, что христиане убивали в Бурдж-Хаммуде христиан. Ибо хорошо знают: больше всего от бесчисленных авантюр шамунистов и катайбов пострадали сами марониты — тоже христиане.

Простой народ, например, не забыл повадки бывшего президента страны Камиля Шамуна, который еще в 1958 году спровоцировал в Ливане гражданскую войну. Это тот самый Шамун, который, договорившись с Дуайтом Эйзенхауэром, решил было превратить Ливан в придаток НАТО, а учитывая, что ближайшим натовским государством была Турция, — и натовской Турции. Тогда от потенциальной катастрофы страну спасли иракские события. И вот теперь престарелый Шамун вновь носится со своими бредовыми идеями. И никого не удивило, что накануне «кровавой недели» к бейрутской пристани подошел турецкий корабль. Это был последний сигнал к тому, чтобы армянские районы приготовились к худшему. И они приготовились. Вот почему, собственно, человеческих жертв оказалось немного. Сразу по прибытии турецкого судна фашистская газета «Джапха» начала бурную антиармянскую кампанию. Страсти подогревались методично и со все нарастающей силой. «Джапха» безнаказанно пропагандировала фашизм и расизм; на сей раз мишенью были избраны армяне. В номере от 25 сентября 1978 года был помещен портрет непосредственного организатора геноцида армян в Османской империи Талаата и рядом снимок эпизода резни, совершенной 24 апреля 1915 года.

* * *

Мы поднимались в гору мимо села Бейт Кекко, где живет много армян. В то время когда смертоносные снаряды падали на голову Бурдж-Хаммуда и особенно — Халиль Бадавуи (один из самых густонаселенных армянских районов), правые, отрезав подвоз хлеба и прочего продовольствия для Бейт Кекко, заявляли жителям: «Идите за хлебом в Бурдж-Хаммуд или Халиль Бадавуи».

На пологой горе возвышается белокаменная церковь. Здесь, в помещении церкви, расположена духовная семинария. В ней шли занятия. Мы отправились к памятнику жертвам геноцида. О том, что памятник взорвали, я узнал за две недели до прибытия в Ливан. Тогда вместе с Уильямом Сарояном мы посетили Католикоса всех армян Вазгена Первого, который приехал в Ереван в связи с торжествами, посвященными столетиями вхождения Восточной Армении в состав России. Он-то и сообщил нам печальную весть: «В Бейруте вандалы взорвали памятник жертвам геноцида». Теперь об этом знает весь мир.

Трудно поверить, что подобное творится в наши дни. Взрыв огромной силы разорвал на куски тяжелые листы железа, которыми была облицована скульптура. Глава церкви рассказал нам, как все произошло. 26 октября был туманный день. Туман особенно сгустился к вечеру. Обычно охрана строго следит за территорией церкви и ее окрестностями. И на этот раз вооруженные постовые вели наблюдения до позднего вечера. Люди несколько успокоились. Трагедия Бурдж-Хаммуда вроде бы осталась позади, с тех пор прошло две недели. Стали доходить слухи, что правые сожалеют о содеянном. И может, поэтому бдительность была несколько притуплена. В десять вечера вся округа была разбужена громовым взрывом. Люди повалили на улицу. В кромешной темноте бросились к памятнику. Тишину позднего вечера нарушал душераздирающий скрежет качающихся железных листов.

Остался лишь скелет скульптуры. Судя по всему, армяне не будут торопиться с восстановлением. В таком виде памятник действует на умы и сердца людей еще сильнее, будто призывает к объединению. Взрывом памятника вандалы буквально похоронили себя политически и нравственно. Борясь якобы за ливанский народ, они делают вид, будто не знают, что армяне Ливана установили памятник в память о жертвах геноцида и в благодарность ливанскому народу. Об этом не могли забыть катайбы и шамунисты. А если они все-таки пошли на подобное святотатство, то, значит, вовсе не случайно появление в их газете портрета Талаата. Круг, как говорится, замкнулся.

* * *

Мы направились в город, в его восточную часть, которая практически отделена невидимой стеной от западной половины столицы Ливана. Знакомились с армянскими кварталами Халиль Бадави. Здесь картина была еще ужаснее, чем в Бурдж-

Хаммуде. Некоторые дома разрушены до основания. Нам показали один полуразрушенный дом. Ракетными снарядами выбиты целые блоки. На месте одного из зияющих этажей еще совсем недавно находилась квартира Антона Табакяна. То, что произошло в семье братьев Антона и Ованеса Табакянов, теперь широко известно в Бейруте. История эта столь драматична, что я посчитал необходимым встретиться с братьями Табакянами в доме у Ованеса.

Мы поехали в Западный Бейрут, где они жили. Как и во время недавнего путешествия, ехали молча. Машина то и дело тормозила, приближаясь к постам. Наше дальнейшее продвижение зависело от желания, а подчас и настроения сержанта саудовской, сирийской или суданской армии.

Я спешил к Табакянам. Накануне в том же Халиль Бадавуи нам показали дом, в котором жила Егине Тешкерян, семидесятипятилетняя женщина, мать шестерых сыновей и дочерей. Она известна в Бейруте как Егине майрик (матушка Егине). Старая добрая женщина еще подростком пережила трагедию в Западной Армении и чудом спасшись от зловещего ятагана, нашла убежище в Бейруте. Все десять дней войны в октябре она находилась в Халиль Бадавуи. Взрослым поручила эвакуировать детей, а сама осталась дома, чтобы помешать погромщикам. Правые знали о Егине майрик. Их бесило ее мужество. И вот 3 ноября 1978 года старуху вывезли в Бикфайю и разрядили целую обойму в тело старой женщины.

Я не мог спокойно слушать эту историю. Колотило в груди от сознания того, что не перевелись еще на земле талаатовцы. И помню, уже не мог ничего записывать. Глаза заволокло пеленой, руки дрожали, в области сердца кольнуло. А следом за тем мне рассказали о другой трагедии. О трагедии братьев Табакянов...

* * *

Вместе с Гарником Аддаряном и Ваге Вагяном медленно поднимаемся по лестнице. Меня предупредили, что надо быть осторожным, ибо после всего пережитого люди боятся даже собственной тени — не то чтобы стука в дверь. Мне кажется, что человека, открывшего нам дверь, не смогу забыть никогда, так было искажено его лицо. Хотя, на первый взгляд, ничего особенного в этом лице не было. Крупный нос, густые брови, огромные залысины, большие глаза. Но все же невозможно было спокойно смотреть на него. В глубоких складках, в воспаленных веках, в неестественном блеске глаз отчетливо просту-

пал ужас. Горестная картина, длившаяся мгновение, усугублялась еще и тем, что из глубины коридора, теснясь друг к другу, молча и тоже с испугом в глазах смотрели на нас жильцы — женщины, мужчины, дети.

Открыл нам дверь хозяин дома Ованес Табакян. Узнав Адаряна и Вагяна, он успокоился. Но было видно, что какая-то инерция страха еще сохраняется. Лишь некоторое время спустя я понял, что эти люди травмированы душевно. Диагноз неоспорим: глубокое нервное потрясение. Обращала на себя внимание еще одна деталь. Люди обрадовались гостям, когда узнали о цели визита. Они спешили рассказать о пережитом, перебивали друг друга, стараясь не упустить каких-то подробностей. По всему было видно, что они давно не вспоминали о тех днях в начале октября 1978 года.

Жестокий стальной град бил по окнам и крышам армянских домов. Беспощадно бил по стенам, бетону, стеклам, людям. Днем и ночью, непрерывно. Бил сутки, вторые, третьи, десятые. Это только в сводках деловито сообщают о том, что шли непрекращающиеся бои, столько-то погибло, столько-то ранено, столько-то осталось без крова. А в жизни это моменты, из которых собственно и складывается сама жизнь. Обстреливаются дома. А в домах жизнь идет своим чередом. Умирают люди так же, как в мирное время. Мертвых надо хоронить. На второй день после начала обстрела в доме Табакянов умерла мать, восьмидесятидвухлетняя Арусяк. Накануне ее уговаривали переехать в Западный Бейрут, к старшему сыну. И она уже было согласилась. Даже приготовила авоську с бельем и Библией. Но не успела. А в это время старший сын Ованес в своем доме не мог найти себе места. Уже весь мир знает о трагедии армянских кварталов. Знает и Ованес Табакян, но ничего не может поделать. Все дороги перекрыты. А там мать, брат с семьей, две сестры со своими семьями.

На четвертый день после начала боев с нарочным пришло сообщение из Восточного Бейрута. Умерла мать. Сын узнал печальную весть последним. Родные не хотели ему говорить, но как можно скрыть от сына смерть матери. Ованес собрался в дорогу, хотя дороги в Восточный Бейрут не было. В Западном Бейруте царит мир, но нет ни света, ни воды, ни хлеба. Сын едет на похороны и должен достать и привезти с собой хлеб и воду. Он знает: если на «этой стороне» нет хлеба и воды, то что говорить о «той стороне». Он обращается к людям и просит отпустить десять килограммов хлеба без очереди. Люди идут ему

навстречу. То же самое и в очереди за водой. Взял десять бутылей пресной воды. На пути Ованеса Табакяна к телу матери было двадцать четыре поста. И везде он объяснял свое положение. Все сочувствовали его горю.

Ованес Табакян появился во дворе дома в разгар обстрелов и пожаров. Он не помнит подробностей. Их сегодня вспоминают родные все вместе. И вспоминая, содрогаются. Первым увидел Ованеса брат Антон. Они шли друг к другу, не замечая ни взрывов, ни летящих по воздуху горящих ракет. Поднялись на третий этаж, где в полуразрушенной квартире лежало тело матери. Лежало пятый день. Рядом живые. Дети — девятилетняя Шоге и семилетний Артем (его назвали так в честь знаменитого авиаконструктора Артема Микояна). Надо хоронить покойную мать.

Откуда-то достали носилки. Это был единственный выход: вынести тело на носилках и хоронить на носилках. Лишь потом, когда кончится смертоносный град, решили сыновья, они привезут гроб, похоронят мать, как положено у христиан. А пока главное — предать тело земле. Едва сыновья вынесли тело, рядом раздался взрывы. Еще и еще. Родственники кричали, умоляли дать им возможность похоронить мать, а там пусть хоть самих убьют. Но взрывы продолжались. И все же Ованес и Антон ползком тащили по земле носилки с телом. Они рисковали. Но другого выхода не было. За ними затаив дыхание наблюдали родные, Шоге и Артем. Когда братья добрались до соседнего двора, раздался оглушительный взрыв бомбы. Дом в этом дворе и сегодня можно увидеть. От него осталась лишь одна стена с пустыми, как глазницы высохшего черепа, окнами. Дальше двигаться было невозможно. Оставался единственный выход — сжечь тело матери. Пошел пятый день. Мертвый ждать не может. Не видно конца этому аду. По улицам рыщут голодные псы. Только сжечь. Достали бензин. Облили тело бензином. Сверху положили резиновую покрывку. Вновь облили бензином. Осталось только поднести спичку. Но Ованес медлил. Он видел, что Шоге и Артем наблюдают за ними. Он попросил отвести детей в сторону. И после этого зажег спичку.

Я видел это место. Земля черная. Осталось черное пятно на горькой земле, залитой кровью. Арусяк Табакян было девятнадцать лет, когда смерчем прошелся по ее родине кровавый тысяча девятьсот пятнадцатый год. Она пережила тот год. Но уставшее сердце не вынесло «кровавой недели». Говорят, за три дня до смерти, за три дня до начала бойни, старушке пока-

зали газету с портретом Талаата. Арусяк Табакян никогда не жаловалась на сердце. Но тогда она уронила газету на пол и схватилась за грудь.

* * *

Я решил пройти и проехать по той самой дороге, по которой армянские семьи, лишенные крова, шли и ехали в поисках новых убежищ. Побывал во многих семьях Западного Бейрута, где беженцы нашли приют у родных, близких, знакомых. Естественно, временный приют. Но везде слышал одни и те же географические названия: Анджар, Триполи, Дамаск, Алеппо. Два ливанских города, два сирийских. Значит, мне предстояло долгое путешествие. И, наверное, трудно бы мне пришлось в Ливане, если бы не Эрнест Сафарян. С ним я проехал сотни километров по ливанским дорогам, делая остановки в домах, где нашли приют беженцы.

В Анджар мы отправились в дождливый, туманный день. За рулем сидел сотрудник советского торгпредства в Ливане Василий Казарян. Совсем еще молодой человек, владеющий многими языками, исполнительный, энергичный. В нашей компании оказался и владелец обувной фабрики и обувных магазинов Саркис Саркисян, который накануне узнал о нашем путешествии и решил оказать нам содействие. Он хорошо владел арабским, его в этих краях знают многие.

Дорога поднималась все выше и выше. Туман — ни зги не видно. На вершине перевала Василий включил весь набор своих, как он говорил, «желтых фар», но и это нам не помогло. Такие туманы мне доводилось видеть на Севанском перевале.

Конечно, обидно впервые оказаться в этих краях и ехать в кромешней тьме. Только время от времени на какое-то мгновение открывается крохотный кусочек панорамы, чтобы едва успеть уловить очертания гор.

Мы знали, что в Анджар в начале октября подалось много беженцев. Но подробности предстояло узнать там, на месте.

Преодолев вершину перевала, серпантин пошел на спуск. И с каждым километром лучше становилась видимость. Наконец, перед нами открылась сказочная картина: место напоминало Араратскую долину после того, как перейдешь Советашенский перевал, возвращаясь в Ереван из деревни поэта Паруйра Севака. Ровные участки земли, разбитые на квадраты и прямоугольники. Здесь, говорят, убирают до трех урожаев в год. Рай, да и только. Приближается сирийская граница. На

дороге стоят люди с вытянутыми руками. В руках — кипы денег. Они размахивают ими. Предлагают обменять валюту. Обмен валюты производится прямо на улице.

* * *

Слева по дороге у подножия невысокой горы показался Анджар. Сразу видно, что это — армянское село. Словно остров в океане поселков. Он один такой. И церковь в Анджаре неповторимая. Я впервые увидел церковь, построенную из бетона без облицовки. Анджар замечен издалека, хотя до него — еще несколько сел. Собственно, это даже не села, а фешенебельные дома, выстроившиеся вдоль магистральной дороги, ведущей в Дамаск. То и дело можно заметить следы взрывов. Оказывается, это действующие офисы различных фирм. Идет по стране непонятная и странная для многих война, и конкуренты, воспользовавшись моментом, «под шумок» выводят из строя своих противников.

Все ближе и ближе армянский «остров», все крупнее и величественнее армянская церковь. Мы направились прямо к ней. Остановились. Рядом — несколько десятков машин различных марок. Вошли в церковь. Шла служба. Еще с улицы была слышна траурная мелодия. Пел церковный хор — юноши и девушки стояли у алтаря. Несколько рядов деревянных скамеек. В первом стоят мужчины. Во втором — подростки. В третьем — женщины в черном, в четвертом — матери с маленькими детьми.

Я делал записи в блокноте, не подозревая, что привлек внимание прихожан. Когда мы вышли на улицу, нас окружили четверо мужчин. Один из них подошел ко мне и строго, если не сказать сердито, показывая на блокнот, который я не выпускал из рук, спросил: «Кто вы, откуда, что вам нужно?»

Мы понимали их. Они — свидетели огромного горя людей. Вокруг беспокойно, не прекращаются антиармянские провокации. Село действительно одиноко, как остров в океане. Анджарцы могут надеяться только на самих себя. И бдительность их вполне понятна.

Объяснили, кто мы такие. Как могли, наспех, рассказали о цели нашего визита. И было видно, как люди успокаиваются. Подкатила черная машина. Я уже запутался в марках и теперь вспоминаю машины только по цветам. Из нее вышел могучего сложения человек. Мы представились. Представился и он: Джордж Абемян, директор местного техникума, один из руко-

водителей комитета по делам оказания помощи армянским беженцам.

Это именно тот человек, который нам нужен. Мы пересели в его машину и первым делом поехали в ближайший дом, где еще находились беженцы. Дом двухэтажный. Сами хозяева на время перебрались к родственникам. В доме живут шесть семей из пострадавшего Восточного Бейрута. В основном — матери и дети. Отцы восстанавливают разрушенные дома. Анаит Айказшунчян, мать четверых детей, рассказывает: «В Бурдж-Хаммуде дом сгорел. На ночь нас приютила церковь. Но и там было беспокойно. Снаряды попадали и в стены церкви. Тяжело было с детьми. Ни воды, ни хлеба. Невозможно выйти. Туалет — на улице. А тут дети. Казалось, вот-вот сойдешь с ума. Многие действительно лишились рассудка, только наступало небольшое затишье, люди толпами кидались искать убежище. Спасибо армянским комитетам и клубам. Доставали автобусы и грузовые машины. Мы отправились в Анджар. Моя семья впервые ехали в Анджар, никогда ранее не доводилось здесь бывать. Бейрут на берегу моря, там никогда не бывает холодно, а тут горы. Мы оказались слишком легко одеты. Я боялась, перемерзнут дети. Но и здесь вовремя подоспела помощь. Одежда и лекарства уже на следующий день доставили из Дамаска. Вначале мы расположились в школьных классах. Чуть ли не каждый час анджарцы заходили к нам, спрашивали, не нуждаемся ли мы в чем-нибудь. Еще скажу о самом важном. Мой муж и другие отцы семейств уехали восстанавливать разрушенные дома сразу же, как узнали, что Советская Армения выступила в защиту общины. В нашем положении главное — вера в завтрашний день. И такую веру мы обрели...»

Посетили дом Джорджа Абеяна. Хозяин за чашкой кофе рассказал: «За три дня в село приехали около тысячи армянских семей, оставшихся без крова. Всего — более пяти тысяч человек. А в самом селе жителей — менее четырех тысяч. Трудно пришлось в первые часы, в первые ночи, в первые дни. Ведь большая часть прибывших — дети. Анджарцы выставили на стол все, что запасли на зиму. В течение дня было собрано около тридцати тысяч золотых — так называют армяне ливанские фунты. Создали комитет по оказанию помощи женщинам, который занимался вопросами размещения, медицинской помощи, обеспечения питанием. Из Дамаска прибывали врачи. Работали по десять дней. Подоспела и помощь Международного Красного Креста.

Прекратились занятия в трех школах и техникуме. Там разместили беженцев. Накануне из Советского Союза получили новое школьное оборудование, только-только успели раскрыть ящики, начали создавать новые лаборатории — и вдруг такое. Теперь многие уже вернулись назад, осталось около двухсот семей. Но какая-то часть людей задержится еще надолго. Те, например, кто не имеет средств, чтобы уехать и начать все сначала, те, кто лишился крова и работы. В Восточном Бейруте после этих событий разрушены все фабрики и производственные предприятия. Тысячи людей оказались без работы. По нашим данным, около трех тысяч армян остались и без крова, и без работы. Несколько таких семей разместим у нас надолго, а может быть, и навсегда. По крайней мере, мы решили увеличить число мест в школе на сто семьдесят пять человек. Именно столько учеников останется у нас на зиму. Сейчас мы нуждаемся в больнице. Особенно в хирургическом оборудовании. В самые тяжелые дни беженцы и анджарцы узнали о реакции Советского Союза, Советской Армении на расправу в общине. Сколько было радости! Это так важно чувствовать, что ты не брошен, не забыт, что за тобой стоит мать-родина».

Встретились мы и со старостой Анджара Акопом Ашкаряном. Он рассказал, какие большие потери понесли анджарцы в войне 1976 года. Не было хлеба и лекарств, были серьезные разрушения. Тогда Бейрут подоспел им на помощь.

Анджарцы сделали все, чтобы помочь в беде своим братьям-беженцам, прибывшим из огненного района Ливана. В Анджаре спустя несколько дней после трагедии родилось четверо детей. Один — прямо в школе. Была сыграна одна свадьба. Жизнь продолжалась.

* * *

В советском культурном центре в Бейруте состоялся вечер, посвященный пятьдесят восьмой годовщине установления советской власти в Армении. Зал, вмещающий около трехсот человек, был переполнен. Здесь и представители различных армянских политических партий, и сотрудники советского Посольства, и представители советских газет и других изданий, аккредитованных в Ливане. Вечер открыл второй секретарь посольства Эрнест Сафарян докладом о пятьдесят восьмой годовщине Советской Армении, выступил известный общественный деятель Ливана, армянский поэт Ваге Вагян. Сердце переполнялось радостью и гордостью от сознания того,

что здесь, вдали от Еревана, в ближневосточном городе, где практически уже четыре года не прекращается огонь, зал с упоением слушал об успехах Советской Армении. Люди едва сдерживали слезы, когда сотрудник газеты «Канч» Паруйр Ерицян (здесь все зовут его товарищ Паруйр) рассказывал о реакции Москвы и Еревана на кровавую расправу в Восточном Бейруте. Он зачитал строки из материалов Арменпресса, заявление советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, в котором, в частности, говорилось: «Советские люди со всей решительностью осуждают грубый произвол в отношении мирного населения Ливана, жертвой которого на этот раз стала армянская община».

Выступил и я. В другое время, может, и не решился бы подняться на трибуну. Но сейчас хорошо понимал, что просто не имею права промолчать. Я передал присутствующим и всей армянской общине слова приветов от всего советского народа, от армян Советского Союза и, в частности, от армянских писателей, которые на своем митинге просили меня об этом.

После вечера состоялась встреча с членом парламента Ливана и представителем армянской парламентской группы от дашнакской партии Мелконом Эблигатяном, который сказал: «Четыре политические партии. Десятки лет противоречий. Трагические события в Восточном Бейруте, где сконцентрирована армянская община. Протест во всем мире. Радостные вести из Советского Союза, который встал на защиту своих братьев. И вот после этого нам потребовалось всего десять минут, чтобы договориться. Чтобы понять: выход — в объединении всех партий. Всех сил».

Действительно, другого выхода нет. Над общиной нависла смертельная угроза. Ни одна из партий, естественно, не в силах защитить всю общину, противостоять военным силам, сконцентрированным в Ливане. Объединение — единственный выход и для самих партий.

* * *

О том, что политические партии пришли к объединению, можно понять, читая газеты. Они не только дают материалы, освещающие трагедию Восточного Бейрута, но и перепечатывают статьи и заметки из газет, выходящих в Советской Армении. Аргументированно и доказательно проводится мысль о том, что Советская Армения — единственная мать-родина для всех армян мира.

Я посетил редакции газет всех политических партий — «Зартонк», «Аздак», «Арарат», «Канч». Три из них выходят в Восточном Бейруте, там, где бесчинствуют катаибы и шамунисты. Несмотря на тяжелые военные условия, несмотря на то, что бомбы врвались в зданиях редакций, газеты почти регулярно выходили в свет. Это очень важно. В самом факте выхода своих газет армяне видели силу и жизнестойкость общины.

Не секрет, что экстремальные ситуации подсказывают людям не лучшие выходы. В этом убеждались сами армяне — жители Восточного Бейрута. За время ливанского кризиса, например, около тридцати тысяч армян уехали из страны. Они, как это было и в 1915 году, вновь стали беженцами, жертвами насилия.

Всегда находятся люди и страны, которые вовремя умеют использовать ситуацию, сложившуюся в том или ином уголке мира. Конечно, эти ситуации возникают не сами по себе, их кто-то создает. И логика подсказывает: ситуация оборачивается благом для тех, кто ее создает. Например, здесь, в ливанской общине, многих удивляет тот факт, что ведется активная пропаганда, призывающая армян эмигрировать в Америку. Почему? Вопрос не простой. Мало того, можно демагогически «доказать», что это делается в гуманных целях. Но почему подобный гуманизм США проявляют исключительно по отношению к армянам, которым они предлагают статус наибольшего благоприятствования? Не потому ли, что армяне «растворятся» в Соединенных Штатах, а это на руку некоторым партнерам США по НАТО? Ведь ливанская армянская община со своими национальными институтами, со своими левыми взглядами, со своим просоветским настроением — это бельмо на глазу у тех, кто организовал геноцид армян, у тех, кто в друзьях Советского Союза, а это значит — России, видит своих врагов. Весь мир знает — и, в первую очередь, знают наши недруги, что армянские колонии во время войны оказывали мощную помощь Красной Армии. На средства, собранные зарубежными армянами, были созданы танковые дивизии «Сасунци Давид» и «Ованес Баграмян». Община, как и весь прогрессивный мир, понимала, что война с гитлеровской Германией — это война против войны. Война за мир.

Я много разговаривал с одним из руководителей армянской политической партии рамкаваров, главным редактором газеты «Зартонк» Герсамом Агароняном. Он сказал: «Судьба Ливана оказалась бы куда более трагичной, если бы не действенность Программы мира». «Москва, всегда защищающая интересы ли-

ванского народа, на этот раз перед всем миром обнаружила свое доброе отношение к армянской общине. Сочувствие и забота великой державы растрогали не только армян Ливана, но и весь ливанский народ. Такое отношение к нам Москвы и Еревана стало одной из главных причин нашего объединения», — сказал председатель партии рамкаваров Парунак Товмасын.

* * *

Куда ни зайдешь, тебя первым делом спрашивают: «Чай или кофе?» Я не любитель ни того, ни другого. За долгие годы пребывания на крайнем Севере привык к простому кипятку или заварке из кореньев. В Ереване стал приучать себя к чаю. К запаху кофе еще не совсем привык, хотя кофе попиваю частенько. Ничего не поделаешь: нельзя быть белой вороной. В Бейруте ты просто должен пить чай или кофе. И, признаюсь, мне повезло с этим обычаем. Дело в том, что я почти не спал, времени не было. Приходилось работать и по ночам. Так что бейрутский обычай, возведенный в настоящий культ, меня просто спасал. Иначе вряд ли я успел бы выполнить работу, которую сам на себя взвалил.

Нужно было впитывать, как губка, в себя все, что удавалось увидеть и узнать. Я вел записи. Без системы, без связи с «хронологическим порядком». У меня была одна задача: вбирать в себя как можно больше. Попытаться докопаться до причин ливанского кризиса, приведшего к трагедии армян общины.

В блокнот я записывал все, хотя знал, что не многое из того, что записываю, будет использовано.

Целая страница посвящена одному эпизоду. На первый взгляд, он не имеет прямого отношения к цели моей командировки. Но это только на первый взгляд. Я писал о том, что машина собкора «Литературной газеты» Игоря Беляева была пробита пулей. Игорь подал документы в страховую компанию. И вот в Советское посольство поступил ответ. Игорь распечатывает конверт. Минуту читает. А потом громко хохочет. Переводит вслух: «Компания «Блек си энд Балтик» имеет честь сообщить Вам, что она не боится автомашин от рисков, связанных с войной, революцией, террором, забастовками, саботажем и народными движениями. Наша компания не возмещает ущерба, вызванного действиями, указанными выше. Компания просит принять наше сожаление, а также уважение и почтение».

Мне кажется, в этом документе, как в зеркале, отражается весь ливанский кризис. Текст документа свидетельствует о том, что враги ливанского народа добились своего. Они пара-

лизовали институты государства. В этом — трагедия страны, где никто никому никаких гарантий не дает. А ведь в конечном итоге любые гарантии — это прежде всего овеществление права на страхование и на жизнь. Меньше всего в сегодняшнем Ливане гарантируется право на жизнь. Ибо безнаказанно выстрелить в прохожего могут из любого окна, с любой крыши.

Люди живут под гнетом страха. Но стараются сберечь все человеческое. Гостю улыбаются. И, как в мирные времена, задают все тот же вопрос: «Чай или кофе?»

* * *

Беседовал с согбенным аксакалом Мустафой. Араб-мусульманин. Ему шестьдесят семь лет. Я просил его сказать несколько слов об армянской общине. Он начал издалека:

— Я был еще маленьким, когда впервые услышал слово «армянин». Мне было, наверное, лет семь. Тогда у нас говорили об армянах-беженцах. Ливанцы узнали, что турки, которые пятьсот лет грабили и убивали нас, уничтожали и армян. Оставшиеся в живых армяне после долгих мытарств прибыли к нам. Я помню время, когда об армянах говорили, как о несчастных. Как о людях, которых убивали, резали, жгли, топили, насиловали. Но потом, помню, называли их гордыми. Это потому, что, несмотря на свое тяжелое положение, на бедность, сиротство и горе, люди эти не занимались попрошайничеством. Они начинали строить. Сажать деревья. Создавать школы. Возводить церкви. Это удивляло всех. Я, можно сказать, живой свидетель того, как армянская община вставала на ноги. Как она возмужала, богатела и стала влиять на других ливанцев. Я свидетель того, что армяне первыми в Ливане открыли театр, музыкальную школу. Я сам учитель. Имею прямое отношение к школе, к народному образованию и все это хорошо знаю. Был среди тех, кто посещал первые художественные выставки, организованные армянами. Да, я свидетель расцвета общины, которую еще не так давно называли несчастной. И вот, наконец, я оказался свидетелем великого мужества, проявленного общиной. Мы, мусульмане, проживающие в Бейруте, ничуть не сомневались, что армяне не поддадутся провокациям и никогда не выступят против нас. Мы не можем ожидать предательства с их стороны. Но для того, чтобы не быть предателем, надо бороться. И они свою позицию отстаивают с оружием в руках.

Старик рассказал еще об одной детали. Убитых во время кровавой недели армян хоронили, когда стихали взрывы. В тра-

урной процессии были и арабы-христиане, и арабы-мусульмане. Так же как и во время многолюдной траурной манифестации в апреле тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Ливанский народ вместе с братьями-армянами шествовал по улицам, по проспекту, которому незадолго до этого было дано название «Армения». Люди собрались на огромном стадионе у памятника жертвам геноцида. В те дни исполнилось шестьдесят лет со времени зверского истребления армян турецкими янычарами.

Повторяю: это происходило 24 апреля 1975 года. То есть, уже после начала так называемой гражданской войны.

* * *

Саркис Саркисян. Человек тихого и веселого нрава, лет пятидесяти. Начал трудовую жизнь простым сапожником. Потом стал владельцем ателье и нескольких магазинов. В Бейруте его называют «странным капиталистом». Хотел было устроить свою дочь на работу в собственной канцелярии, да передумал. «А вдруг подчиненные решат, что устроил собственную дочь в качестве контролера». Может, именно потому Саркисян, став капиталистом, не очень-то преуспел. «Не могу быть волком», — так он говорит.

Война сделала свое дело. Саркисян потерял львиную долю своего состояния. Сам он признается, что находится на грани банкротства. Если до начала войны его считали «странным капиталистом», теперь считают «глупым капиталистом». Глупый, потому что имел полную возможность сохранить все свои финансы, как это сделали многие. Надо было уехать в Америку. Там с деньгами можно еще больше преуспеть. Но Саркис Саркисян не захотел уезжать. В Ливане у него престарелая мать. Трое детей. В Ливане он и его семья чувствуют себя армянами. Дети получили армянское образование. Мать ходит в армянскую церковь. На Бейрутском кладбище похоронены родные и близкие. Уехать в Америку — значит предать всех: и живых, и мертвых.

Мы беседовали с Саркисяном до позднего вечера. А начался разговор в армянском ресторане «Масис». За столом, кроме нас, были Эрнест Сафарян и Гарник Адамян. Два шустрого парня притащили на стол одно за другим превеликое множество блюд. Я только успевал записывать мудреные названия: табуле, мутабал, хонос... Я уже не говорю о тех, которые мне известны. Лишь одно блюдо не имеет, как говорили мои друзья, определенного названия. Его просто называют ливанской дичью. Крохотные «птички», жаренные в кляре с острым соусом. Мои «застольники» элегантно ухаживали за мной, поднося мне то соус, напоми-

нающий хрен, то какое-нибудь новое блюдо. Однако надо было видеть, как развеселились они, глядя на меня, когда пришло время раскрыть их заговор. Оказывается, я с жадностью уписывал одну за другой обыкновенных лягушек. Стоял веселый хохот.

Я понимал, что подобную шутку со мной сыграли, преледя одну цель: хоть на время снять с меня напряжение, стресс, в котором я пребывал с утра до вечера. И это удалось.

Наше застолье происходило в пустом ресторане. Саркис Саркисян говорил, что некогда в ресторанах Бейрута по вечерам стоял такой гвалт, что заглушал шум прибора. Почти все рестораны, как и большинство отелей, расположены на берегу моря. А теперь именно побережье — один из мертвых районов. Ибо с самого начала пострадало, в первую очередь, побережье, район «Больших гостиниц». Сегодня рестораны пустуют. Нekomу ходить, да и сами хозяева подались в Америку. Ведь «странные капиталисты» — это исключение. Мы вновь вернулись к теме эмиграции в США. Я записал то, о чем говорил Саркисян:

— У здания Американского посольства в Ливане всегда устраивается очередь из ливанцев: арабов-христиан, арабов-мусульман и армян. В эти тяжелые дни многие, особенно молодежь, хотят покинуть беспокойный город. Уехать в США. Большинство действительно хочет в США. Но Америка не для всех открывает двери. Что же касается армян, то для них уготовлен так называемый статус наибольшего благоприятствования. Почему? Это можно очень просто объяснить. Не многие, наверное, обратили внимание на то, что именно в дни бомбардировок Восточного Бейрута, с его армянскими кварталами, США наконец получили разрешение вновь открыть военные базы на территории Турции вдоль границ СССР. Это не случайное совпадение. Это результат привычного торга между государствами — членами НАТО. Я — тебе, ты — мне. Я тебе территорию под военные базы, ты мне позволяешь уничтожать армянскую общину в Ливане. Пусть она хоть целиком переедет в Америку. Там община уже не будет такой сильной и могучей единицей, со своими школами и изданиями. Там вырастет число смешанных браков. И там уж община, конечно, не сможет так упорно бороться против тех, кто до сих пор сочувствует организаторам геноцида в Османской империи.

Так что все объясняется довольно просто. США идут на встречу не ливанским армянам, а своему союзнику по НАТО. И потому не стоит удивляться, что «Джапха» поместила портрет Талаата и снимок эпизода резни армян. Все это легко ло-

жится в один логический ряд. Одно меня беспокоит — как бы опята армяне не кусали локти, как это было в начале века, когда они поверили обещаниям Англии, Германии.

Да, трагедия армянской общины в Ливане, как и трагедия всего ливанского народа, научила армян многому. И главное, что люди извлекли из трудного урока, — это активное беспокойство за свое будущее, за будущее своих детей, своего народа.

Но, как известно, о будущем беспокоится человек, который не потерял веру, не впал в отчаяние. Армянская община не потеряла веру, вернее, еще больше укрепила ее после того, как узнала, что за ее спиной стоит мать-родина — Советская Армения.

* * *

Во время наших разговоров с Ервандом Касуни в Бурдж-Хаммуде мы поняли нехитрую истину: на примере нейтралитета армян в Ливане можно сделать вывод — пассивной разрядки быть не может. Ее нужно внедрять в жизнь с оружием в руках. Разрядка — это не уговоры, это жизненная необходимость для планеты, нуждающейся в мире, как в воздухе.

* * *

В Советском посольстве я познакомился с группой юношей, собирающихся в дорогу. Они едут в Ереван. На дворе декабрь. Давно уже начались занятия в вузах, в том числе и на так называемых нулевых, подготовительных курсах, а тут ребята отправляются в Ереван на учебу. У них разрушены дома. Я записал их имена и названия вузов, где им предоставили возможность начать учебу с середины декабря. Я записал и их рассказы о пережитом.

Жирайр Тонушян, высокий парень в очках, вспоминал, что после того, как был разрушен их дом, они с семьей отправились в село Баанес. Там в крохотном доме жили около шести-десяти беженцев. Ни воды, ни электричества, ни хлеба. А стрельба продолжалась.

* * *

Не расstaюсь с картой Ливана. Литгазетовская командировка переросла, как всегда, в настоящее путешествие. Черчу на карте маршруты, по которым уже успел проехать, и те, по которым еще предстоит. Есть у меня и карта мира. На ней Ливан — крохотная точка. Но эта крохотная точка, как говорят медики, — болевая. Невольно задумываешься над тем, что вот к этой точке кто-то везет смертоносный груз, а кто-то — ле-

карства, одеяла. Одни отправляют своих корреспондентов, чтобы рассказать правду о людях, лишившихся крова, и по возможности помочь бездоленным. Другие в это же время в центре миллионного Бейрута поджигают бикфордов шнур, с ухмылкой ожидая очередного взрыва. А от него в первую очередь страдают дети. Дети еще не могут разобраться в происходящем. Они доверчивы. Они еще не знают, что в Бейрут по разным дорогам едут разные грузы. Одни везут смерть, другие — школьные лаборатории, игрушки, книги...

* * *

Встретился с лидером гнчакской партии Аветисом Демирчяном. Ему лет шестьдесят. Седоволосый, крепкого сложения человек. Я спросил, что он думает о самих истоках ливанского кризиса. Меня интересовали поводы, причины, цифры. Мой собеседник сказал:

— Все и проще, и сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что обычно умалчивают об одной детали — о классовом подходе к проблеме. Речь о том, что ливанские капиталисты вначале с величайшей радостью приняли палестинских беженцев, которые считались дешевой рабочей силой. За одну и ту же работу, скажем, араб-мусульманин, гражданин Ливана, получал 15—20 золотых, а палестинец — четыре. Мало того, палестинцы, как дешевая рабочая сила, были нарасхват. Им даже специально выделили землю в местечке Телзахтар, в районе скопления фабрик. Как это и водится по всем законам классической политэкономии, рабочие требовали хоть какого-то равноправия. Начались недовольства. Ссоры. Драки. Террор. Убийства. Марониты вдруг поняли, что так дело дальше не пойдет, и потребовали, чтобы палестинцы ушли из обжитых мест, а тем некуда уходить. В ход пустили оружие. Палестинцы обратились к Президенту страны Сулейману Франжье. Просили о помощи. Президент ответил: «Сами себя защищайте!» Палестинцы стали вооружаться. Вот и начался ад. И пошли дом на дом, улица на улицу, Восточный Бейрут на Западный и наоборот. Все это не нужно ни ливанцам, ни палестинцам. Все это диктовалось и навязывалось извне. Огонь нужен тем, кто хочет сохранить напряженное положение на Ближнем Востоке.

Апологетом неофашизма в настоящее время является турецкая легальная (семнадцать из четырехсот пятидесяти мест в меджлисе) партия националистического движения. Военизированные отряды ПНД с изображением серых волков на фоне

контурной карты Турции сформированы и обучены по типу СС. «Такая вполне официальная оценка, — пишет в «Известиях» С. Кондрашов, — дана «серым волкам» в специальном исследовании, проведенном еще в 1970 году турецкими органами безопасности».

Программа турецких фашистов вполне конкретна — турецкая разновидность национал-социализма и размахивание пугалом коммунизма. «Известия» пишут: «Вот как аттестует лидера ПНД полковника Тюркеша лондонская «Файнэншл Таймс»: «Его обращение к национальному наследию турок и их прежним империям привело на практике к стимулированию такого расизма, какого не было со времен резни армян и курдов в начале этого века».

Обращаю внимание, что речь не об известном всему миру турецком расизме времен Османской империи, а о воинствующем расизме, осуществляемом на практике в наши дни. Сегодня. Сейчас. И нет ничего удивительного в том, что «серые волки» протянули свои зловещие когти к армянской общине Ливана.

* * *

Вместе с Гарником Аддаряном посетили семью Григора Адидяна. Хозяина дома нет в Бейруте, он в США. Устроился там, а теперь вызвал семью — жену Луизу и двух мальчиков — одиннадцатилетнего Ара и десятилетнего Раффи. Григор долго терпел. Не хотел уезжать. Но последние события лишили его всего. По специальности он ювелир. Но кому нужно его мастерство, если нет дома, нет мастерской?

Луиза говорит:

— От самой мысли, что мы с детьми должны жить в Америке, сердце обливается кровью. Не могу представить, что мои дети будут расти без армянской школы, армянских традиций. Прямо какое-то проклятие. За что?! Родители мои пережили геноцид у себя дома, на родной земле, в Западной Армении. Их дети родились на чужбине. Стали, как говорится, отходить. Построили новые дома, новые школы. И вот теперь опять в дорогу. Одна сестра вместе с мужем в Австралии, другая — в США, брат — на Кипре. Неужели этому не будет конца?!

* * *

Ирония судьбы. Ливанский кризис сыграл на руку курильщикам и алкоголикам. Нет институтов власти, и большинство

товаров ввозится в страну без налогов и пошлин. Если раньше за пачку сигарет нужно было платить полтора-два фунта, то теперь фунт — красная цена пачки.

Повезло и дворовым собакам. Некогда чистый и уютный город весь утопает в курганах мусора. Их некому убирать. Лишь стаи собак снуют вокруг.

Но, конечно, в выигрыше не только курильщики, алкоголики и дворовые собаки...

* * *

Жорж Хауи — один из лидеров коммунистической партии Ливана, заместитель генерального секретаря. Ему сорок один год. Широкоплечий. С густым ежиком на голове. Мы беседовали в его небольшом уютном кабинете за чашкой кофе. Переводчиком был все тот же Гарник Аддарян. Хауи говорил не просто об армянской общине, но и о ее будущем.

— Будущее армянской общины, конечно же, связано с будущим самого Ливана. Нельзя отделить часть от целого. Наш кризис только по форме религиозный, по сути он политический. Нельзя было рассчитывать на то, что Ливан вечно будет страной отличного сервиса, игорных домов и фешенебельных отелей. В конце концов, тот, кто трудится на индустрию сервиса, должен сам хоть когда-нибудь начать жить по-человечески. Нельзя было рассчитывать, что трехмиллионный народ будет с утра до ночи обслуживать заокеанских толстосумов, а сам умирать с голода. Это только со стороны Бейрут выглядит праздничным и благополучным. Копнув чуть глубже, можно воочию убедиться, какой ад скрыт в этом кажущемся раю.

Сегодня во все горло кричат, что в Ливане идет гражданская война. А на самом деле в нашей стране нет никакой гражданской войны. Есть непрекращающиеся провокации.

Я спросил товарища Хауи, кто такие правые экстремисты. Дело в том, что сам термин редко расшифровывает и многих запутывает именно это обстоятельство.

— Трудный вопрос. Правые составляют несколько партий или группировок. Наиболее видные — партия фалангистов (катайбы) и группировка, возглавляемая бывшим президентом страны Камилем Шамуном.

— Чего они хотят?

— Разве марионетки могут что-нибудь хотеть? Они выполняют то, что им приказывают. Они танцуют, но те, кто им платит, хорошо знают, на какой струнке нужно играть. На нацио-

нальной. Уже который год разжигаются страсти. Появились новые партии, группировки, новые лозунги, призывы. Можно подумать, что все пекутся о ливанском народе. Вроде бы пекутся о народе, а разрушают его дома...

— И при этом их почему-то называют христианами.

— Преступника нужно называть преступником, будь он мусульманин или христианин. Что же касается религиозных истоков нашего кризиса, здесь нужно внести ясность. Внешние силы подогревают страсти не только арабов-христиан, но и арабов-мусульман. Как известно, еще не так давно в Ливане численно преобладало христианское население. Теперь, как выясняется, преобладает мусульманское. Собственно, такая тенденция отмечается во всем мире. У мусульман более высокая рождаемость. Но сам по себе этот естественный фактор не может послужить причиной для развязывания войны.

Есть у нас неписанные законы, которые привносят в жизнь много путаницы. Надо создавать продуманные законы. Нужна подлинная демократическая конституция. К примеру, по неписаному закону, в Ливане президентом непременно должен избираться христианин — маронит, премьер-министром — мусульманин-суннит, председателем парламента — мусульманин-шиит, министром обороны — маронит. И так далее. Никто точно не может сказать, почему это именно так. По какому принципу.

— Что скажете об армянской общине?

— Помнится, несколько лет назад, когда страна жила в мире, на всех уровнях отмечался большой вклад армянской общины в дело процветания Ливана. В этой стране понятие «армянин» всегда олицетворяло прогресс и культуру. После того как у нас началась война, пожалуй, в самом тяжелом положении в стратегическом отношении оказались армяне. Они словно находились между двух огней. Армян здесь четверть миллиона. И мне кажется, мир должен знать о том, с каким мужеством и с какой мудростью они безоговорочно пришли к единой истине: не позволить вовлечь себя в братоубийственную войну. А ведь не легкое это дело.

— Есть ли хоть какая-то гарантия, что подобное не повторится?

— Пока не решится ливанская, а еще точнее, ближневосточная проблема, никто никаких гарантий дать не может.

— Чем вы можете объяснить, — спросил я, — что незадолго до нападения на армянские кварталы сюда зачастили турецкие представители, а в газетах стали печатать портреты организато-

ра геноцида армян Талаата, фотографии тысяча девятьсот пятнадцатого года?

— Ничего удивительного. Отношения Шамуна с Турцией имеют глубокие корни. Об этом было известно еще в те времена, когда он был президентом Ливана. И сейчас, судя по всему, связи не прекращаются.

— Мне это не понятно. Ведь Ливан до 1920 года на протяжении веков находился под пятой Турции. Мало того, Шамун по происхождению маронит. Марониты себя считают потомками финикийцев. А Финикию окончательно стерли с лица земли турки. Как же этот человек может пойти на подобное святотатство, так рисковать судьбой своей страны?..

— Видите ли, ни Шамун, ни шамунисты, ни катаибы, ни все те, кто к ним примыкают, не имеют общих интересов с Ливаном. Есть выразительный пример из истории. Никто не нанес большего ущерба Германии и германскому народу, чем Гитлер. А ведь на словах фашисты все делали ради Германии и немецкого народа.

— Армяне — часть ливанского народа. В стране, как известно, есть официальный президент, глава государства. На глазах у всего мира правые экстремисты учинили погром армянских кварталов. Тридцать тысяч людей остались без крова. Хотелось бы знать, что сказал по этому поводу президент Саркис?

— Президент словом не обмолвился даже после того, как иноземцы захватили половину страны. В такой ситуации армяне нашли единственно правильный выход — вооружились. За родной очаг надо бороться с оружием в руках. Правым не удалось ограбить общину, это свидетельствует о том, что армяне умеют бороться и обороняться.

Сначала правые ударили по магазинам. Цель понятна. После многодневного обстрела, после разрушений, которые наводят панику, можно ворваться в жилые кварталы и грабить магазины, грабить имущество. Но они просчитались. Армяне не только хорошо вооружены, но и упорно сражаются и защищаются.

* * *

Ерванда Касуни я знаю давно. На протяжении многих лет мы часто встречались в Ереване. Он готовился к защите диссертации и часто приезжал в Советскую Армению. Помнится, после каждой встречи у меня в ушах подолгу звучало эхо его звонкого смеха. Мне довелось, как уже говорилось, присутс-

твовать и при защите его диссертации. Это было в год, когда в Ливане начались неприкрытые провокации. С тех пор я его не видел. И вот мы встретились в Бейруте.

Ему, как и многим, я задал свой неизменный вопрос:

— Сможешь ли вкратце объяснить — что происходит в Ливане?

Он ответил:

— Нет! — И тут же добавил: — Ливан — прекрасная почва для провокаций. Две основные религии: христианская и мусульманская. Христиане — христиане-марониты, греки-католики, греки-ортодоксы и армяне. Мусульмане — сунниты, шииты, друзы. Можешь себе представить, сколь легко в таком сложном калейдоскопе религиозных течений и направлений провоцировать одних и других. Этим и воспользовались внешние силы. И когда страну довели до полного хаоса, как видишь, взялись за армян. Причем, несмотря на то, что об этом так много писалось, никто не сказал еще самого важного. Что, собственно, хотели от армян?

— Наверное, чтобы они воевали на стороне правых?

— Не совсем точно. В Ливане никто официально не воюет. В Ливане искусственно создаются ситуации для совершения провокаций. За четыре года так называемой войны уже в десятый раз одна группировка правых выступала против другой группировки правых. Потом они собираются в каком-нибудь уцелевшем отеле, кутят и договариваются о перемирии на время. И что самое смешное — именно смешное — обе стороны получают деньги у одного и того же хозяина. Чтобы ясно представить, что творится в Ливане, надо посмотреть на него с высоты звезд. Тогда можно увидеть: все и вся в эту страну завозится извне. А житель Бейрута может ничего не увидеть. Он спит себе. Думает о том, как завтра пойдет на работу. Утром просыпается от взрывов. Откуда в городе танки? Зачем? Кому это нужно? На эти вопросы простому человеку никто не отвечает. Если проблему сузить, то можно сказать: все это нужно тем, кто выступает против палестинцев...

Уже который раз записываю в блокноте: непременно побывать в лагере палестинцев, попытаться встретиться с руководителем палестинского движения Ясиром Арафатом.

А пока с Гарником Аддаряном и Ервандом Касуни решили посетить колледж «Айкарян» и некоторые армянские школы (речь идет о Западном Бейруте. В Восточном из почти сорока школ ни одна не функционирует).

Следы от осколков на стенах школы — это страшно. Но бейрутские дети к ним уже привыкли. В каждой школе — «Демирчян» или «Ншан Паланджян», в колледже «Айказян» или его учебных корпусах можно увидеть следы войны, следы вандализма. Как правило, на первых этажах располагаются детские сады. Если старшеклассники еще чувствуют тревогу и опасность, в которых пребывает их город, то ученики младших классов и детсадовцы и не подозревают, что происходит вокруг. Они привыкли к выстрелам, взрывам, разрушениям. У них вся «сознательная» жизнь пришлась на войну.

На детсадовских малышах одинаково яркие костюмчики. В одном из садиков маленькая Кристиан Касарчян, в оранжевой курточке, прочитала нам стихотворение. Голос ее едва был слышен. Но, возможно, она читала достаточно громко. Просто я был до того растроган, так тщетно старался скрыть слезы, что даже плохо слышал. А происходило чудо. Вдали от матери-родины, в полуразрушенном городе, в комнате со стенами, испещренными следами пуль, маленькая армянская девочка на армянском языке читала Туманяна.

Школы работают, но почти втрое сократилось число учащихся. Причин много. Одна из них та, что многие дети живут в Восточном Бейруте, а приехать сегодня оттуда в Западный — небезопасно. В войну 1976 года правые ворвались в одну из армянских школ. Они учинили там настоящий погром. Тысячи бесценных книг облили несмываемыми красками. На классных досках написали антиармянские лозунги, восхваляя Талаата и турецких аскеров. Выбрасывали из окон машинки с армянским шрифтом.

С какой целью? Чтобы нагнать страх. Постараться вовлечь армян в братоубийственную войну. Чьих это рук дело? Наймитов, среди которых были и христиане, и мусульмане. Они хорошо знали, что армяне очень заботятся об образовании детей. И потому решили громить школы. Но из этого ничего не вышло. Директора школ рассказывали мне, как одно время в Западном Бейруте закрыли было средние учебные заведения. Родителям объяснили, что учиться сейчас слишком опасно, что были случаи, когда дети погибали по дороге в школу. Но родители не согласились, потребовали, чтобы дети учились. Давали расписки, и школы продолжали работать. Война — горе. Но лишить детей образования — двойное горе. Так рассуждали родители.

С превеликой радостью я видел в армянских школах оборудование, лаборатории, учебники, доставленные из Советской Армении. Некоторые ящики еще не успели распаковать. Идут восстановительные работы. Вставляют стекла, заделывают дыры в стенах. Прибывшее школьное оборудование несколько радует и успокаивает людей. На ящиках обратный адрес: «Ереван, Комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом». В одной из школ мне показали учебный телескоп, подаренный ребятам академиком Амбарцумяном. До апреля 1975 года юные астрономы по вечерам наблюдали за звездами. Но вот уже четыре года с телескопа не снимают чехла. Слишком уж беспокойно небо над Бейрутом.

Во всех армянских библиотеках я видел аккуратно переплетенные подшивки газет и журналов, выходящих в Советской Армении. Но везде конечная дата — 1974 год. Этим обстоятельством обеспокоены многие: и читатели, и библиотекари. Вроде бы понятное дело — идет война. Почта не работает. Но мне кажется, именно сейчас нам нужно сделать все, чтобы периодические издания и книжные новинки доставлялись хотя бы в библиотеки и школы. Что же касается пропущенных четырех лет, то выход, по-видимому, один: подготовить в Ереване нужное количество подшивок различных изданий и отправить в Бейрут. Это просто наш долг.

...С библиотекой армянского колледжа «Айкацян» познакомил ее заведующий Жирайр Даниелян. Рослый спокойный человек в очках. Он показывал комнату за комнатой, и я видел, как гордится он своей библиотекой, насчитывающей более пятнадцати тысяч томов. В ней есть одна из самых древних печатных армянских книг, изданная в 1666 году. Здесь имеются подшивки армянских газет прошлого века. Есть и книги турецких историков, которые пытаются доказать миру, что не турки резали армян, а наоборот, армяне резали турок. Одно только непонятно: каким это образом армяне «резали» турок и при этом лишились родины?! Здесь, в университетской библиотеке, можно увидеть многочисленные следы от пуль и осколков. Одна пуля хранится до сих пор. Пройдя сквозь другие тома, она застряла в книге Рафаэля Атаяна, изданной в Ереване.

У той самой полки, где пуля попала в книгу, сидел, уткнувшись в тетрадь, худощавый юный армянин. В Бейруте война. Никто не может дать гарантии, что пуля вновь не залетит в библиотеку. Но юноша сидит за столом, весь обложенный книгами. Он учится.

* * *

Бейрут, несмотря на раны, пожары и разрушения, несмотря на непрекращающиеся военные действия, живет и даже, можно сказать, старается выглядеть бодрым и жизнерадостным. Он какой-то яркий. Точнее, пестрый. На одной стене я насчитал как-то около десяти портретов, не считая лозунгов, написанных по-арабски. Почти все портреты так или иначе мне знакомы. Вот Саркис, Президент Ливана; Асад, Президент Сирии; Насер, покойный Президент Египта; Арафат, Председатель исполкома организации освобождения Палестины; Джумблат, погибший председатель социалистической партии Ливана; Жмайиль, лидер партии фалангистов, или катаибов; Шамун, лидер национальной либеральной партии Ливана; Садр, глава шиитской мусульманской общины.

В Бейруте говорят: «Здесь стены могут выдержать все. Все цвета, все лица».

Я справлялся у многих, в том числе и у лидеров политических партий: «Для чего рядом, на одной стене, вывешивают портреты политических противников и заклятых врагов?» Отвечали в один голос: «Для того чтобы внести еще большую путаницу в ливанскую проблему».

И в самом деле, простому человеку сегодня нелегко разобратся в этих цветах и лицах. И он путает друзей с врагами.

* * *

Палестинцы. Разговор о них — особая тема. Миссия же моя в Ливане вполне конкретна: судьба армянской общины после попытки правых экстремистов уничтожить ее. Но ни один вопрос в Ливане не может быть сегодня решен без разрешения палестинской проблемы. И потому с первых же дней пребывания в Ливане я понял, что есть настоятельная необходимость встретиться с Ясиром Арафатом.

Об этом я говорил с советским послом в Бейруте Солдатовым, который и устроил встречу с лидером палестинцев.

Встреча была назначена на десять вечера. Без пяти десять, пройдя сквозь многие вооруженные посты, мы подошли к офису, в котором находился штаб организации освобождения Палестины. В сопровождении вооруженной охраны вышли из лифта. Здесь, на лестничной площадке, нас ждали другие вооруженные люди. Я обратил внимание, что все делается четко, без суеты. В коридоре нам навстречу вышел Арафат в своем неизменном клетчатом платке (куфия), хорошо известном всему

миру. После минутной церемонии приветствий мы перешли к делу. Председатель Арафат (здесь все его так и называют), которому надо было по срочным делам удалиться на час-полтора, представил нас главе Департамента по вопросам информации и печати Махмуду Лабади.

Полтора часа вместе с Махмудом Лабади мы ездили по ночному палестинскому лагерю. Человек приветливый. Владеет несколькими языками. Ему тридцать семь лет. Не женат. Очень многие из его коллег «по революции» (термин Лабади) не женаты. Он охотно отвечает на вопросы. Я спросил:

— Вы отвечаете за информацию и печать. Поступает ли к вам информация из других стран?

— Мы сами добываем нужную информацию. Мы знаем, где наши враги и где наши друзья и соответственно расцениваем поступающую информацию. Главное, чтобы о нас самих распространялась по миру точная информация. Например, председатель Арафат не разговаривает с журналистами без магнитофона. Не позволяет, чтобы перевирали его слова и мысли.

— Знали ли вы, что готовилась расправа над армянской общиной?

— Этого ждали все, ибо знали, что шамунисты принуждали армян выступать на их стороне. Когда же армяне отказались, они потребовали компенсации. Несколько миллионов фунтов. Мы лично верили, что армяне не выступят против нас. Знали, что это не только мужественные люди, но и нация, олицетворяющая справедливость.

К назначенному часу мы вновь были в офисе. У Ясира Арафата крохотный кабинет. Как и в приемной — множество аппаратов связи, на стенах несколько гравюр: жанровые картинки палестинского быта. На столе кучи папок, книг и бумаг. Разговор хозяин кабинета начал сам:

— Только что стало известно, что в Израиле взорвали несколько палестинских домов. Сейчас я жду связи с ООН. Пока мы с вами разговариваем, готовится текст протеста, который мы должны передать в ООН.

Ясир Арафат, улыбаясь, сказал, что он знает «Литературную газету», знает о том, что она не только одна из популярных, но и одна из самых цитируемых сегодня в мире.

— Я готов ответить на любые вопросы этой газеты, — добавил он.

— Мою газету интересуют проблемы, связанные с будущим. Не могли бы вы рассказать о том, какой вам видится по-

литическая карта Ближнего Востока, скажем, в двухтысячном году?

— Такой вопрос мне задают впервые, — опять улыбнулся председатель. — На него, наверное, можно ответить при одном условии. Мне кажется, чтобы попытаться заглянуть в будущее, надо прежде оглянуться назад, вспомнить прошлое, вернуться в день сегодняшний и лишь потом говорить о будущем.

В течение примерно часа Ясир Арафат отвечал на этот вопрос. Он начал с событий 1897 года, когда на Ближнем Востоке впервые были открыты большие залежи нефти. Уже тогда вставал вопрос о создании государства Израиль, которое могло бы в географическом плане сыграть на руку американским монополистам. Политические события в мире сложились таким образом, что свои идеи американский империализм осуществить не смог. Но от самой идеи, конечно, не отказался. И вот наступил 1947 год. Вновь открыты несметные залежи нефти. И снова встает вопрос об Израиле. Уже тогда экономисты знали, что будущее цивилизации связано с нефтью. Империалистам необходимо было во что бы то ни стало иметь своего представителя в зоне залежей нефти.

— Вот и создали государство Израиль, — сказал Арафат, — дальнейшее известно всему миру. Мой народ лишился своих земель. Мы будем бороться до тех пор, пока не вернем наши земли. Думаю, к двухтысячному году карта Ближнего Востока не будет вызывать столько споров, сколько сегодня. По крайней мере, на ней будет обозначена Палестина.

— На чем основывается ваша убежденность?

— На том, что в мире в конце концов всегда побеждает справедливость.

— Я знаю, вы не признаете Израиль как государство де-факто...

— Могу признать Израиль при условии, если будет достигнута договоренность о создании независимого палестинского государства на западном берегу реки Иордан и в районе Газа.

— Ваш противник очень силен и, как известно, за его спиной стоят изрядные силы...

— А я и не сказал, что мы сумеем легко победить, но мы сделаем все, чтобы проиграл противник.

— Вы сказали, что в конце концов в истории побеждает справедливость. Как вам известно, армяне, пережившие геноцид в Османской империи, ныне разбросаны по всему миру. Лишь в России удалось спасти часть Восточной Армении и тем самым спасти армянский народ, его культуру и традиции.

— У нас та же мечта, что была у армян, — создать свою республику. Что же касается остальной части Армении и вообще армянской диаспоры, то тут, я думаю, армянам есть чему поучиться у палестинцев. За родину, за каждую пядь родной земли надо бороться с оружием в руках. Вот мы и боремся. За нами — все прогрессивные силы мира. Нас поддерживает и великий Советский Союз.

Беседа с председателем Арафатом продолжалась до трех ночи. В заключение он сказал:

— Мы, палестинцы, осуждаем террор, направленный против ливанских армян. Сознаем, что процветание Ливана немислимо без армян. Убеждены, они никогда не выступят против нас, ибо речь идет о народе, которого лишили родины. Этот народ хорошо понимает, что значит жить на чужбине.

Я задал вопрос Арафату, не кажется ли ему, что у них воцарится мир, если он признает: когда-то на этой территории зародилось и существовало государство Израиль. Народ его сделали изгнанником, но он выжил. Арафат оставил мой вопрос без ответа.

* * *

Спора нет, прав Ясир Арафат, связывающий ближневосточный кризис с нефтью. Однако вернемся к вопросам о прогнозах. Нефть сегодня диктует политику, вершит судьбами народов. Но до каких пор? Ведь мудрость человеческая включает прежде всего беспокойство о будущем. А будет ли нефть в будущем?

Вот данные специалистов. Добыча нефти достигнет максимума на рубеже века, в двухтысячном году. Дальше пойдет спад. Приблизительно к 2030 году прекратится промышленная добыча нефти в мире. Еще лет через десять на земном шаре нефти не останется. Может, где-нибудь в пробирке для музея. Таково заключение науки. Земной шар имеет определенные запасы, определенные лимиты, и надеяться на то, что где-нибудь откроется новая Тюмень, — заблуждение. Так что на глазах уже нынешнего поколения нефть перестанет существовать. К тому времени, думается, человечество найдет выход из создавшегося положения. Но что будет с политической картой Ближнего Востока? А еще точнее, — с народами Ближнего Востока?

Мир хорошо помнит о нефтяном буме на Аляске. В 1968 году у мыса Барроу были обнаружены большие залежи нефти и природного газа. Тотчас же нефтяные монополии протянули к ним

свои хваткие щупальцы. Буквально перепахали всю округу. Изменился географический облик района. Но это все полбеды. А беда в том, что нефтяной бум «перепахал» и жизнь аборигенов, повлияв на их культуру и обычаи. Если прежде эскимосы отличались душевным здоровьем, занимались традиционной охотой на белого медведя, тюленей, китов, то теперь они заражены наркоманией и алкоголизмом. Вот цитата из газеты «Панорама» (Милан): «Нефтяной бум на Аляске, как и «золотая лихорадка» в конце прошлого века, продлится не так уж долго. Подсчитано, что запасы нефти составляют приблизительно десять миллиардов баррелей (1 баррель — 159 литров). Учитывая, что по нефтепроводу можно перекачать до двух миллионов баррелей в день, максимум через двадцать лет нефтедобытчикам здесь будет нечего делать, и они покинут край. Без нефти в этой ледяной пустыне не будет ни белых людей, ни единственной больницы, ни виски. Но останутся ли хотя бы следы культуры эскимосов, которая ныне переживает страшную агонию?»

В этой связи хотелось бы сказать тем, кто ныне разглагольствует о правах человека. Настала пора во весь голос кричать не о правах человека, а о правах целых народов на... будущее. Ибо без своей национальной культуры, без сохранения традиций и устоев народ жить не может.

* * *

Крохотная девчушка Арпи Даниелян, дочь Жирайра Даниеляна. Она родилась сразу после начала военных действий в Ливане. Теперь ей уже четыре года. Симпатичное лицо с конопущками, огненно-рыжие волосы. Она не знает, что такое мир. Мы были у Даниелянов дома. Ехали мимо, и хозяин уговорил заглянуть «на минутку». Пили кофе, как вдруг за окнами раздались выстрелы. Под шум канонады Арпи спокойно и, как мне показалось, серьезно сказала: «Папа, пусть так сильно не бабахает, а то уши болят». И ладошками закрыла уши.

* * *

С балкона дома Ерванда Касуни осматриваем Бейрут. Хорошо видны два высотных дома, похожих на башни. Отель «Холидей» и жилой дом Брж-Мр (Брж означает «башня»). С другого балкона видно высотное здание Брж-Рз. Таким образом, три точки. Треугольник. Внутри треугольника можно насчитать пятьсот-шестьсот современных многоэтажных зданий. В войну 1976 года в этих трех точках располагались противни-

ки. В «Холидее» — катайбы (фалангисты), в Брж-Мр — левые, Брж-Рз — правые. Обстреливали друг друга из минометов, пулеметов и даже ракетами. Стреляли в течение нескольких месяцев. Можно представить состояние людей, которые жили в этом адовом треугольнике. В течение нескольких месяцев они почти не выходили из домов, совершая время от времени отчаянные вылазки, чтобы достать хлеба.

У пятнадцатилетнего сына Ерванда, красивого большеглазого Тиграна — целая коллекция снарядов. Он разложил их на столе. Мы насчитали более тридцати видов. Тигран знает назубок названия всех видов оружия. В доме Касуни есть и другая коллекция. Живописные работы Минаса, Акопяна, Адаляна. Есть даже подлинник Сарьяна. Все они во время «войны» 1976 года были спрятаны. Недавно достали, когда в Западном Бейруте наступило относительное спокойствие.

Я спросил Ерванда:

— Не собираешься уезжать отсюда?

Он ответил:

— В любое другое время можно было бы это сделать. Но сейчас — нет. С гордостью могу оказать: среди тех, кто уехал, меньше всего педагогов. Это вопрос морали. Нельзя, с одной стороны, вести пропаганду о спасении общины, с другой — уезжать самим пропагандистам. Люди потеряют веру в святое. Так что нам надо терпеть. Профессия такая. Обязывающая.

Сегодня в Бейруте, в некогда веселом и беспечном Бейруте, уже и анекдоты пошли, соответствующие духу времени. Один, довольно печальный, я записал у Ерванда. Собрались люди различных профессий, и каждый объясняет, по какому принципу оценивается его труд. У одного работа сдельная, у другого — почасовая. Дошла очередь до снайпера. Он говорит: «У меня все просто. Сажу на крыше. Убил человека — сделал пометку на стене. Убил другого — еще черточка. К вечеру по количеству черточек производится оплата». — «Ну, а если ты убьешь десять, а поставишь пятнадцать черточек?» Снайпер обиделся: «Как можно, — говорит, — у меня совести нет, что ли?!»

Все изменилось в Бейруте. И времена, и нравы, и даже анекдоты.

* * *

Утром иной раз забываешь, что в Бейруте война. Вспомнишь, только встретив на перекрестке посты. Двое-трое солдат стоят у стены из мешков с песком. Уже бытуют некие неписа-

ные правила общения с ними. Обычно, подъезжая к посту, замедляешь ход и смотришь в глаза сержанту. Если он не поднял руки, значит, ты высовываешь голову и говоришь ему что-то. Скажем, что ты — представитель посольства. Он машет рукой, и ты едешь дальше. Но случается, он стоит к тебе спиной. Это, так сказать, своего рода вызов. Парень устал, состояние у него стрессовое, и он не хочет глядеть в лица водителям. Не хочет, и всё! А ты не можешь ехать дальше, пока он не махнет рукой.

Как врач, я понимаю этого солдата или сержанта. Устал. Шутка ли, стоять на одном месте несколько часов кряду и махать каждой машине рукой. Машин-то тысячи. В таком состоянии не всегда выдерживают нервы. Но когда я в машине, мне трудно его понять. Стоит на твоей дороге какой-то небритый юнец с воспаленными от бессонницы (или наркотиков) глазами и хочет — машет тебе, а не хочет — повернется спиной. Он ведь прекрасно знает, что ты не посмеешь без его взмаха проехать.

Однажды мы были свидетелями ужасного происшествия. Впереди нас медленно катила новенькая машина — зеленый «Мерседес». Остановилась у мешков с песком. Солдат с автоматом стоял спиной к нам. Стоял просто так. Не разговаривал ни с кем, не чесал затылок, не прикуривал. Всем своим видом показывал, что не хочет смотреть на очередную машину. Он, конечно, понятия не имел, что это за очередная машина. Не знал, кто за рулем. Он устал. И еще: он считает, что хотя бы раз в день должен как-то «проявить» себя. Иначе бейрутцы могут подумать, что посты эти — пустое место. Зеленый «Мерседес» медленно, сантиметр за сантиметром двигался вперед. Шофер чуть ли не весь вылез из окна. Кричит, что-то спрашивает. Тщетно. Солдат не обращает на него внимания. Водитель «Мерседеса», видимо, подумал, что безразличие к нему надо понимать, как «добро», «разрешаю проехать», и рванул вперед. В следующее мгновение солдат медленно, словно нехотя, вскинул автомат и пустил очередь вслед зеленой машине. «Мерседес», как раненый олень, запрыгал из стороны в сторону и врезался носом в стоящий неподалеку грузовик.

Больше всего меня поразило, с каким спокойствием этот постовой выпустил очередь в машину, где сидел человек. И то, с каким спокойствием, даже с улыбкой он махнул нам: проезжайте. Мол, я немного теперь успокоился. Разрядился.

Мы проехали мимо зеленого «Мерседеса». Возле него уже стояли двое солдат. Мы притормозили. Солдаты, не глядя на

нас, махнули руками, дескать, проезжайте, тоже еще, филантропы выискались.

Это было страшно. По-настоящему. Таковы самые что ни на есть будни Бейрута.

* * *

Вся армянская община вышла встречать самолеты. Это был праздник. Мы в Советской Армении, поднимая голос в защиту своих ливанских соотечественников, часто обсуждали вопрос об оказании помощи пострадавшим. Помощь, конечно, нужна всякая. Но нам тогда и в голову не приходило, что больше всего община страдает от факта «закрытых школ». В Бейруте я только и слышал сетования на то, что школы закрыты. Так было не только после «кровавой недели». Так было на протяжении всех четырех лет. Правда, школы не были совсем закрыты, но не все дети могли посещать их. Потому можно понять радость людей, когда они узнали, что прибыли лайнеры со школьным оборудованием. Представьте себе — двадцать тысяч книг. В это тяжелое время, когда все вокруг разрушено, книги привнесли в жизнь общины подлинный праздник. Бесчисленное количество ящиков: их выгружали сами родители. В них — книги. В них — новейшее школьное оборудование. В одном из ящиков — тридцать современных дорогостоящих микроскопов. Спортивный инвентарь, спортивная форма, игрушки для детских садов. Выгрузили десять пианино.

Хорошо известно, что беженцы-армяне сначала строили школы и церкви, а потом — дома для себя. Таков этот народ.

* * *

Я собрал все необходимые данные о событиях начала октября в Восточном Бейруте. Побывал в Ливане везде, где находили приют армянские беженцы. Но я знал, что почти половина из них направились в Сирию. В частности, в Дамаск, и особенно в Алеппо. И вот путь мой определен: Бейрут — Дамаск — Алеппо — берега Евфрата, Тер-Зор.

Восьмого декабря в пять утра мы были уже в дороге. Еще темно. Ехали, прижавшись к обочине. Навстречу шла нескончаемая танковая колонна. Сирийская армия. Она входит в межабские силы по поддержанию мира в Ливане.

Несмотря на раннее утро, на дорогах полно машин. Грузовики с высоченными кузовами. Они везут цитрусовые и прочие фрукты в Сирию. Везут мануфактуру. Невольно задумыва-

ешься. Страна, находящаяся, казалось бы, в состоянии агонии, везет свои продукты на продажу к соседям.

Дорога идет все время в гору. С каждой минутой вокруг становится светлее. Начинается новый день. Туманный в горах, но, наверное, ясный в самом Бейруте.

До самой границы с Сирией не встретили в Ливане ни одного дома, который не вызывал бы жалость своим видом. Но в данном случае я не о разрушениях, а о вкусе и архитектуре. В Ливане я искал и не мог найти ни одного приземистого дома с плоской крышей, по крайней мере, по дороге в Сирию. Но вот в самой Сирии — словно другая эпоха. Море серых глинобитных домов, обилие пестрых иностранных рекламных щитов на дороге и множество военных. Возле Дамаска вдоль шоссе идет узкоколейка. «Кукушка», словно из начала двадцатого века, ползет по ней, выпуская черный дым. В каждом поселке минареты. Недалеко от Дамаска расположился небольшой лагерь палестинцев. Времянки, наскоро сооруженные из глины. А в Ливане палестинцы живут в захваченных ими новых современных домах и, я бы сказал, гордятся этим.

Первые встречи в Дамаске с теми, кто мог рассказать нам о беженцах. Секретарь Советского посольства в Сирии Раффи Торосян вспоминал, что в те октябрьские дни через сирийскую границу перешли около десяти тысяч ливанских армян, лишенных крова.

Все старались оказать нам содействие: будь то водитель такси Согомон Петросян или член ЦК Сирийской компартии Варужан Салатян.

В Дамаске проживает около семи тысяч армян. Немногие беженцы могли остаться здесь, большинство отправилось в Алеппо, где армянская община насчитывает более семидесяти тысяч человек.

До Алеппо даже с небольшими остановками в пути — полдня. Нам, конечно, нужен был гид. В самом Алеппо, куда мы должны были прибыть поздно вечером, мы бы потеряли уйму времени, пока нашелся бы человек, который мог нам помочь. Поэтому мы решили найти сопровождающего в Дамаске.

Гид нашелся. Это был Тиран Акимян, председатель секции гнчакской партии в Дамаске, директор местной армянской школы. Уговаривать его не пришлось. Мы просто сказали этому человеку, что «так нужно». Объяснили ему цель нашей миссии. Мы подъехали к дому Тирана, поднялись на третий этаж. Его мать — Тигрануи Акимян — тотчас же сварила кофе и соб-

рала сыну маленький чемодан. Тиран позвонил по телефону жене. И все. Через десять минут этот человек, бросив все свои дела в Дамаске, отправился в дорогу длиною около тысячи километров.

* * *

Автострада проходит через серую пустыню. Унылый, однообразный, скучный пейзаж. Вспомнились слова Максима Горького о том, что нет красоты в пустыне, ибо красота в душе араба.

То и дело встречаются крохотные населенные пункты. Дома — глиняные шатры округлой формы. Ни единого дерева. Встречали бейрутских беженцев в Хомсе, где проживает сто десять армянских семей, встречали их в Хаме — одном из крупных городов Сирии.

Большую часть дороги ехали в темноте. Остановились в местечке Маари. Во тьме едва нашли дорогу к кладбищу. Ничего не было видно. Я посчитал своим долгом постоять в тиши могильных рядов. Ведь здесь, по преданию, похоронен сам Абу-лала Маари — герой философской поэмы великого Аветика Исаакяна.

...Алеппо. Миллионный город. Его нельзя сравнить ни с каким другим городом на земле. Он — неповторимый. Это не только мое мнение. Есть известное изречение: «Алеппо похож только на Алеппо». Может, лишь обилием магазинов он напоминает Бейрут. Но больше ничем. В Бейруте дома хотя и разные, но все фешенебельные. Здесь старое живет рядом с новым, древнее с современным. Да и сравнение с Бейрутом ныне не совсем корректно. Бейрут полуразрушен. Алеппо сегодня, к счастью, город мирный. Только в одном я обнаружил поразительное сходство с Бейрутом. Это то, что называется, состоянием души армянской общины. Здесь армяне встревожены событиями в Ливане не меньше, чем в Бейруте. И это можно понять. Тысячи семей беженцев прибыли сюда в течение недели. Люди видели, в каком состоянии находились их братья. Все приехавшие нашли приют. Большую помощь оказывали все партии и, несомненно, Армянская апостольская церковь.

* * *

Встречаясь с сирийскими властями, я выражал им благодарность за оказание помощи обездоленным армянам. В Алеппо предстояло встретиться с армянской общиной, хотя бы для

того, чтобы люди рассказали другим о нашем визите, о нашей миссии. Я ведь представлял не только свою газету, но и наш народ, и нашу республику. Нельзя же, чтобы люди спустя какое-то время случайно узнали, что был у них представитель из Советской Армении и ни с кем не поговорил. Мы встретились вечером в небольшом зале Текеян с представителями общины.

В зале собрались и пожилые, и молодежь. Сидели те, кто пережил черный тысяча девятьсот пятнадцатый год, и те, кто считает Алеппо своей второй родиной. Я рассказывал об Армении. Говорил о недавнем путешествии по ее районам, о выступлениях в газетах, о митингах и демонстрациях в связи с событиями в Бейруте. Передал, как меня и просили участники митинга в Союзе писателей, приветы от наших литераторов.

Было много вопросов. Слово благодарности в адрес Советской Армении и советской общественности сказал известный врач Горос Торонян. И вновь вопросы, вопросы... Молодой парень спросил:

— Если Советская Армения считается независимой, почему она в столь тяжелое время не обеспечит общину оружием? В конце концов, против оружия нужно действовать только оружием.

Вопрос нелегкий. В чем-то даже наивный. Но вопрос задан, надо ответить. Люди ждали.

— В наши дни слово «независимый» — растяжимое понятие, — сказал я. — Достаточно на три недели закрыть проходы к Британским островам, чтобы Англия оказалась полностью парализованной. Без известного содружества государств не могут прожить ни Франция, ни ФРГ, ни Япония, ни США. На планете все находится во взаимосвязи. Но дело здесь не в смысле этого слова. Ни Москва, ни Ереван не имеют права обеспечить оружием отдельную общину. Армянская диаспора — это часть ливанского народа. Значит, как государство, СССР может иметь дело только с государством Ливан, а не с частью Ливана. Это важно понимать...

Вновь встал Горос Торонян. Он говорил возбужденно и горячо:

— Для нас настоящим оружием стали отклики Советской Армении на провокации в Восточном Бейруте. Молодой человек задает наивный вопрос, а сам того не ведает, что агрессоры пришли в замешательство, узнав, что советская общественность и Советская Армения встали на защиту армянской общины.

Присутствующий в зале Эрнест Сафарян тоже говорил об этом в своем выступлении:

— Если бы ныне все вопросы решались только с помощью оружия, человечество было бы стерто с лица Земли. Заявление Советского Комитета солидарности со странами Азии и Африки в отношении провокации против конкретно армянской общины можно считать настоящим оружием в руках мировой общественности. И то, что сегодня ливанские армяне восстанавливают свои школы, — говорит о многом. Это говорит и о том, что оружие бывает разное.

Я понял: из меня дипломат никчемный.

* * *

Вечером новые друзья из Алеппо пригласили нас на концерт популярного певца Ншана Джагацпаяна. Арендовали кинозал «Суфара». Аншлаг. Весь сбор перейдет в фонд местных школ. Это был подлинный праздник армянской общины. Я никогда не видел такой активности зала. Порой не было слышно певца. Люди подпевали ему с мест. Хлопали в такт оркестру. Два с лишним часа воздух был наполнен армянскими мелодиями. Пел Ншан о Ереване и Ване, о Советской Армении и спурке, о легендарных военачальниках Андранике и Гайке Бжишкянце.

Во время перерыва нас окружили молодые алеппцы. Парни были возбуждены, один из них сказал: «Для нас сегодня двойной праздник: и песни Ншана, и весть из Советской Армении. Так радостно было узнать, что родина на весь мир заявила протест убийцам в армянских кварталах».

Боже мой, как гордо звучит слово «РОДИНА» там, где люди по-настоящему ощущают тоску по ней. Я помню, как, глотая ком в горле, попросил ребят отвезти меня после концерта к Евфрату и увидел у них в глазах полное понимание.

Евфрат. Река исторической Армении. Река-песня. Река-легенда. Река-житница. Река-могила. Тысячелетия служила она своему народу. И во времена Хайасы. И во времена Урарту. И во времена Великой Армении. И стала под конец могилкой сотен тысяч армян. Ведь ни в тысяча девятьсот пятнадцатом, ни в последующие годы геноцида убийцы не хоронили убитых. И кто знает, скольких спас Евфрат от глумления варваров, от голодных псов и шакалов. Воды некогда армянской реки несли на юг сотни тысяч трупов. Среди них были матери и дочери, привязанные друг к другу длинными волосами...

Как же я мог не посетить могилу отцов? Каждый раз, возвращаясь в родной Карабах, я непременно иду на могилу деда. Так можно ли не посетить могилу сотен тысяч моих дедов и

бабушек?! Моих братьев и сестер?! наших детей?! Ибо воды Евфрата уносили тела и тысяч детей. А я — народ. Я — родина. Тысячу раз прав Паруйр Севак: «Если меня молоть, как пшеницу, то из меня выйдет Родина». И это сказал не только поэт. Это сказали я, ты, он. Родина — это не только живые. Это и могилы тоже. Евфрат — могила. И я должен посетить ее. Я должен постоять на его берегу и посмотреть на волны, катящиеся на юг. На чужбину. Я должен умыться водой Евфрата. Должен коснуться рукой ее глади. Должен вслушаться в ее голос. И должен поведать ей о многом. Что помнит Армения о своей реке — реке-житнице, священной реке?

Сидя на концерте, слушая Ншана Джагацпаняна, я мыслями уже находился на пути к Евфрату.

* * *

Я должен добраться до Тер-Зора, где до сих пор можно встретить кости армян.

Мощный «Мерседес» вышел из Алеппо ночью. Я обратил внимание на деталь: если на концерте Ншана Джагацпаняна мне казалось, что я слышал голос Евфрата, то по дороге к реке в ушах все время звенел мощный голос певца.

Сопровождают нас алеппцы — Саркис Кузоян и Петрос Есяян. У Саркиса счастливые глаза. Две недели назад у него родилась дочь. Это большая радость, потому что с тех пор, как восемь лет назад умер первенец, детей больше не было.

У Петроса Есяяна пятеро детей. Старшему — восемнадцать. Младшему — два.

Небо было звездное. Дорога наша шла прямо на восток. Вдали уже показалось светло-розовое пятно — предвестник утренней зорьки. Саркис и Петрос по очереди рассказывали разные истории. О таких попутчиках можно только мечтать.

На светлом пятне горизонта стали появляться рваные куски облаков. Приглядевшись, можно было различить фигуры разных животных. Одно облако напоминало крокодила с открытой пастью. Первым его заметил Василий Казарян.

Горизонт стал розоветь. Мы ехали на зарю. Ехали к Евфрату. Перед самым рождением солнца вмиг рассеялась дымка-поземка. Горизонт отдалился. Показался край оранжевого диска, на который еще можно было глядеть, не боясь ослепить глаза. Черные фигуры животных расплзались по сторонам. Оранжевый диск медленно поднимался все выше и выше. Родился новый день, тихий, розовый. Десятое декабря тысяча де-

вятьсот семьдесят восьмого года. Теперь мы уже на бешеной скорости мчались, словно бы на само солнце. Трудно было опередить: мы приближаемся к солнцу или оно к нам. Мы спешили друг к другу. А между нами пролегал Евфрат.

На всем протяжении дороги ни одного дерева. Встречаются редкие поселения. И в них ни одного дерева. Пустыня Тер-Зор.

Евфрат показался неожиданно. Один из кривунов словно касался дороги. И я увидел стальную гладь моей реки, в которой купалось утреннее красное солнце. Мы ехали вдоль Евфрата по дороге, идущей на этом отрезке пути на восток. По местам трагическим. По местам, где османские варвары резали мирных жителей уже после тысяча девятьсот пятнадцатого года. Это здесь турецкие бандиты измывались над женщинами и детьми. И именно по этой дороге еще совсем недавно прибывали беженцы из Бейрута. В который уже раз на своем веку беженцы?! Мы ехали по дороге, которая хорошо знает историю армянского народа. По дороге-свидетельнице. Никто не забыт. Ничто не забыто. Время помнит. Камень помнит. Дорога помнит. Евфрат помнит. Я помню. Пусть об этом знают последователи изверга Талаата.

Посетили водохранилище. Огромное искусственное море, сотворенное с помощью моей страны — СССР. Плотины высотой в пятьдесят метров. Рядом посажен лес — единственный оазис в пустыне. Оазис также создан моей страной. Рядом новый современный город. И город построили мы. В нем живут арабы. Теперь можно жить, ибо есть не только крыша над головой, но и море рядом. И орошаемые земли. Остается одно: никому никогда не замутить эти воды, а вместе с ними — души людей.

Мы подъехали к реке в таком месте, где скалистые берега остались девственными, как столетия назад. Стояли на берегу. Медленно текла могучая река. Воды Евфрата несли в себе память. Это и моя память тоже. Я разделся и прыгнул в Евфрат.

Декабрьская вода была очень холодной. Она обожгла тело, словно я прикоснулся к раскаленному железному листу. Подумал о том, какой холодной была вода двадцать четвертого апреля тысяча девятьсот пятнадцатого года. Мы ведь знаем, что сотни тысяч людей были похоронены в Евфрате. Но не думаем о том, что вода была холодной. В апреле текли к Евфрату вешние воды, талые воды. А ведь в Евфрате были не только мертвые. Были и живые. Они умирали и от холода. И я теперь знаю, какая была вода в Евфрате. И просто обязан поведать об этом миру. Суд моего народа не окончен. Он вечный. Я призываю в

свидетели обвинения не только безмолвные аравийские пустыни, не только нескончаемые пыльные дороги всех континентов планеты, но и холодные воды Евфрата — реки-житницы, реки-памяти, реки-могилы.

* * *

Не хотелось расставаться с Алеппо. За два дня и две ночи мы приобрели множество друзей. Они вышли нас провожать. Проводы превратились в импровизированный митинг. Ничего удивительного. В эти дни, где бы ни находились армяне, они говорят об одном и то же — о судьбе ливанской армянской общины. Как это не раз бывало, люди, особенно молодые, спрашивали о генерале Андранике. Почему-то многим, я бы сказал, большинству в спюрке кажется, что герой армянского национально-освободительного движения Андраник начисто забыт в Советской Армении. Я стал приводить факты.

В первом томе Армянской советской энциклопедии тиражом в сто тысяч экземпляров помещен пространный очерк об Андранике.

Вот что писала о нем газета «Известия»: «Это имя известно каждому армянину, это имя, которым действительно может гордиться армянский народ». И армянский народ действительно гордится именем народного вождя. Так, кстати, назвал его выдающийся революционер Степан Шаумян: «Народному вождю Андранику. Вашу телеграмму получил. Полный текст сообщил в Москву Центральному правительству. Со своей стороны приветствую в вашем лице истинного героя». Андраник в июле 1918 года первым объявил в Нахичевани советскую власть. Это было еще до установления советской власти в Армении. Уже тогда Андраник избрал единственно верный путь. Путь к спасению нации. О роли народного вождя Андраника в освободительном движении в советской печати сказано немало — в газетах, журналах и книгах. О нем пишут писатели, историки, военачальники. Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза И. Х. Баграмян в своей книге посвящает целую главу Андранику, с которым ему посчастливилось познакомиться еще в юные годы. Видные ученые Ц. Агаян, А. Мнацакян, Дж. Киракосян, писатель Серо Ханзадян и другие приводят в своих книгах многочисленные исторические документы, раскрывающие облик настоящего народного героя. В последней книге академика Агаяна «Роль России в исторических судьбах армянского народа» приводятся новые дан-

ные о прославленном генерале Андранике. Книга издана в Москве издательством «Наука». Она посвящена 150-летию присоединения Восточной Армении к России. В этой книге приводится один из важных документов, раскрывающий кредо Андраника: «Я солдат армии угнетенных; где борьба за свободу против угнетателей, там и мой меч». Этому принципу он остался верен до конца своих дней.

Путешествуя по дорогам беженцев, встречаясь с моими соотечественниками, пережившими «кровавую неделю», я убедился, что многие из них, к сожалению, не имеют ясного представления о Советской Армении.

Двадцать восьмого ноября 1926 года во Фресно (США, Калифорния) состоялись торжества по случаю годовщины Советской Армении. Тогда Андраник сказал: «Ныне существует свободная Армения. Армянский народ навсегда спасен благодаря свободолюбивому русскому народу, который в час невзгоды протянул руку гибнущему армянскому народу и спас его на краю пропасти. Ныне многострадальный и измученный армянский народ имеет свою родину. Пусть здравствует вековая дружба армянского и русского народов. Вечная слава бессмертным сынам армянского и русского народов, которые пали на заре освобождения Армении...»

Как мы видим, безоговорочное признание Советской Армении Андраником было сделано от имени всех армянских общин мира давно. Напомним, что тогда, в 1926 году, население Советской Армении едва перевалило за миллион. Сегодня пошел четвертый миллион.

* * *

Я вновь в Бейруте. Подходит к концу командировка. За две недели я несколько раз выезжал из Бейрута. И всякий раз, возвращаясь, вновь и вновь размышлял о том, что все мы, современники, все жители планеты несем ответственность за судьбу этого города, этой страны. Действительно, Бейрут напоминает уникальную античную статую, над которой изгалялись вандалы. Помню, «Комсомольская правда» писала о том, как османские варвары еще совсем недавно получали мел и известь из античных скульптур для строительства своих домов. Сейчас, можно сказать, то же самое делается в Бейруте, то же самое делается с Бейрутом. Его разрушают, превращают в материал для строительства военно-политического полигона. Всегда страшно, когда прекрасную картину закрасивают, и дикари рисуют

на ней гадости. Страшно, когда ломают храм-шедевр и из обломков строят уродливые приземистые бараки. Страшно, когда варвар из хачкара строит собачью конуру.

Собственно, так поступали в свое время вандалы-сельджуки. С ними пришла в цивилизованные края страшная чума. Человечество до сих пор еще не поняло по-настоящему, что же произошло на Земле с появлением в цивилизованных краях сельджукской чумы. Стерты с лица Земли Финикия и Византия. Разгромлены Греция и Италия. Погибла великая культура, которая уже принадлежала человечеству. Разгромлена Великая Армения. Специалисты подсчитали, что только варвары-сельджуки и их потомки уничтожили на территории Великой Армении более десяти тысяч шедевров архитектуры. Не правда ли, странно: целые поколения не хотят простить Герострату то, что он сжег храм Артемиды в Эфесе. Всего один храм.

* * *

Человечество сегодня просто обязано спасти Бейрут. Обязательно спасти Ливан. Завтра может быть поздно. А уже послезавтра история не простит нам преступное равнодушие. Я допускаю, что Бейрут, равно как и все населенные пункты, можно восстановить. Дай только людям мир. Но есть другая опасность. Есть вещи, которые уже не восстановишь. Есть процессы необратимые. Сегодня много говорят о так называемом феномене Бейрута. О том, что, несмотря на отсутствие власти, город живет, нет массовых преступлений, нет паники, нет грабежей и воровства. Во всем этом есть доля истины. Но истина конкретна. И сегодняшняя конкретная жизнь дает иную пищу для размышлений. Пятый год идет настоящая война в Ливане и в самом Бейруте. Тем, кому было пять лет назад двенадцать, сегодня уже семнадцать. Это взрослые, зрелые люди. Люди, лишившиеся возможности все эти пять лет честно трудиться, думать о своей будущей профессии. Растет или уже выросло целое поколение отчаявшихся молодых людей, потерявших веру в справедливость. И, говоря о трагедии Ливана, мы должны прежде говорить о трагедии молодых. Если завтра в Бейруте начнутся массовые убийства и грабежи, то бессмысленно будет винить самих убийц и грабителей. Виноваты будут не они. Не только они.

* * *

Прощаясь с Бейрутом, я вновь побывал в его восточной части. Уже не на машине, а пешком прошел по всем кварталам,

где живут армяне. Собирал новые фотографии. В Ашрафии (район Восточного Бейрута) встретился с местным врачом, выпускником Ереванского медицинского института Аветисом Оккяном. Все десять дней террора Аветис работал в больнице. Он — хирург-ортопед в госпитале Сен-Жорж (святого Георга). С начала «кровавой недели» доктор Оккян перебрался в Бурдж-Хаммуд и принимал раненых в небольшой больнице Святого Погоса.

— Какие диагнозы чаще всего встречались? — спросил я.

— Открытые переломы, открытые зияющие раны, травмы черепа. Главной задачей было — остановить кровотечение. Не хватало лекарств, кипяченой воды, перевязочного материала. Только мной зарегистрированы семьдесят пять смертей. В институте мы проходили курс военно-полевой хирургии. Но то была чистая теория. А тут жизнь и очень много крови. Если бы вы знали, какая это страшная вещь — осколки. Летит раскаленная железяка, вся в зазубринах. Так что никаких классических раневых каналов не бывает. Эта железяка выворачивает все.

Аветис показал мне извлеченные осколки. Он их собрал целый ящик. Я брал в руки уродливые куски холодного железа, и мне становилось страшно. Каждый из них убил человека: ребенка, старика, женщину. Я попросил доктора дать мне несколько осколков.

Он сказал:

— По традиции, хирурги собирают инородные тела, извлеченные во время операции. Но вам я отдам. Я и так никогда не забуду тех несчастных людей, которые умирали на моих глазах. Конечно, не забуду и тех, кого удалось спасти.

Я бродил по армянским кварталам, смотрел, как на развалинах строятся новые дома. Попросил, чтобы для меня сделали снимки. Разговаривал с активистами женских секций различных клубов. Они рассказывали о том, как в мирное время на заседания секций вызывали мужчин и вели с ними беседы о семье, о детях. Работа секции сводится к главному: сделать все, чтобы люди не оставляли общины и не уезжали за океан.

Побывал я в Антилясском соборе. Встречался с киликийскими католиками Хореном Первым и Гарегиним Вторым. Гарегин Второй рассказал мне о встрече с главой катайбов Пьером Жмайелем, который признался: «Четыре года вместе с другими убивали в Ливане армян, разрушали их дома и магазины. И ничего! Терпели. В начале октября в течение десяти дней обрушился на голову общины свинцовый удар, и тоже вроде бы

не очень шумели. Но тут взорвали какой-то памятник, и весь мир был поднят на ноги. Удивительный народ! Будто этот памятник дороже жизни!»

Возвращаясь из Восточного Бейрута, я ехал по широкому проспекту Армения, а сам все время думал об армянках, которые проводят в клубах работу с теми, кто собирается покинуть общину. Удивительно, что и сегодня нацию спасают наши женщины — сестры и матери наши. Они не только сберегли огонь в армянских очагах, не только сохранили язык, который в их честь так и называется — «материнским языком», но сохранили нацию.

* * *

Встреча с армянскими женщинами из Восточного Бейрута не давала мне покоя. Я постоянно думал о них. Печаль, устоявшаяся в их глазах, передавалась мне, и я то и дело ощущал боль в груди. Эти женщины из всех проблем диаспоры сегодня выделили самую главную проблему-трагедию. Это — эмиграция армян в Америку. Из Ливана в Америку. Можно ли подобный процесс назвать естественным? Нет. Диаспора. Это слово от греческого — «рассеяние». Термин некогда чисто биологический, а точнее, ботанический. Диаспора в ботанике — часть растения (спора, семя, плод), отделяющаяся от него и служащая для его размножения. Такое же определение дается диаспоре применительно к человеческому обществу. Но ботаники хорошо знают, что если часть, отделенную от целого, разделить на новые части, то в этом случае трудно гарантировать сохранение постоянства вида. Эту биологическую мудрость, судя по всему, первыми усвоили армянские матери ливанской общины. Их беспокойство надо понять. Но понять мало. Надо активно разделить их тревогу. И действовать сегодня, иначе будет поздно. Время сегодня играет против армянской диаспоры в Ливане.

...У здания Посольства США я разговаривал с моими соотечественниками. Задавал им один и тот же вопрос. «Почему уезжаете?» Отвечали по-разному. Привожу наиболее характерные ответы. «Дом разрушен»; «Наш дом за четыре года разрушили два раза. Устал»; «Отца убили»; «Брат год назад уехал в США. Написал, что устроился, и теперь едем к нему»; «Никогда бы не уехал из Бейрута, но этот ад, судя по всему, не кончится».

Людей можно понять. Но у меня перед глазами лица армянок из Восточного Бейрута. Они ведь тоже хотели бы покинуть

ад, которому, кажется, нет конца. Они, эти женщины, юные и старые, молодые матери и убежденные седины бабушки, сегодня лучше всяких политиков и дипломатов разгадали хитрые ходы заокеанских политиков.

...В госдепартаменте США создано «Армянское бюро», а при Колумбийском университете — «Армянский культурный центр». Они призваны заниматься не изучением проблем армянской общины в самих США, а «изучением зарубежных армянских общин и разработкой соответствующих мероприятий по переориентации общин и диаспоры в целом на США». К чему практически это сводится? Вот официальные данные, которые могут послужить аргументированным ответом на поставленный вопрос: «Только в период обострения событий в Ливане правительство Соединенных Штатов разрешило въезд тридцати тысячам ливанских армян. Причем порядок въезда был максимально облегчен: вплоть до предоставления виз в течение двадцати четырех часов». Прочел в «Зартонке» данные о том, что за последние годы у армян в США смешанные браки составляют двадцать процентов.

...История Армении, история армянского вопроса, к несчастью, изобилует печальными примерами, когда армяне, презрев реальные условия, опрометчиво «ставили» на тех или иных лидеров западных держав. Практически все без исключения кандидаты в президенты клялись и божились, что будут помогать армянам, что признают геноцид. Представителям американской армянской колонии в США с самого начала импонировал сенатор Джеймс Картер, не раз выступавший против президента Форда, оказывавшего помощь Турции. И, наверное, не случайно, в период предвыборной кампании Турция была по-настоящему озабочена исходом событий. Турецкая газета «Гюнайдын» писала сразу после избрания Картера, что в Анкаре в лице Джеральда Форда видели потерянного и незаметного друга, который всегда являлся их защитником; в лице же Картера видят «Франкенштейна». Другая газета выразила беспокойство по поводу того, что греки Кипра будут настаивать на своих позициях, «полагаясь на Картера». Иные просто восклицали: «Что мы сейчас будем делать без Форда?» И обо всем этом с нескрываемой долей оптимизма писала, ссылаясь на турецкие источники, армянская газета «Алик» от первого декабря 1976 года.

Уже через полгода после своих предвыборных обещаний на заседании в Белом доме Картер просил «проявить гибкость в

переговорах с Турцией». Мало того, он одобрил оказание военной помощи Турции в размере 175 миллионов долларов. И это лишь первый взнос из предусмотренных 3,2 миллиарда долларов. Отмечу, что сумма эта на 50 миллионов превышает цифру, утвержденную администрацией Форда, по которому так скорбели на первых порах турки.

Армянская колония не обратила внимания и на перемены позиции Картера в отношении ее проблем. Если до выборов он твердо обещал оказать конкретную помощь, то после выборов, как пишет газета «Армения Репортер», Президент США заявил: «Мы не всегда будем иметь возможность выполнять ваши желания, но мы всегда выслушаем вас».

Справедливости ради надо признаться, что «эра оптимизма» продолжалась недолго. Двенадцатого апреля 1978 года еженедельник «Аспарез» опубликовал телеграммы протеста армянских политических партий, направленные в адрес Президента США. В них, в частности, говорилось: «Поддержка Турции равносильна пренебрежению высокими принципами и целями, которые поставили перед собой Соединенные Штаты... Оказание военной помощи этой стране в корне противоречит избранной Вашим правительством политической линии под эгидой прав человека»... И все в таком же духе. Газета недвусмысленно напомнила фразу, высказанную еще совсем недавно одним из Президентов США: «Река Аракс является восточной границей... США».

Этим президентом был Гарри Трумэн, который добавил к сказанному: «Турция — пятьдесят первый штат США». Я, конечно не могу позволить себе вмешиваться в дела, в политику США. Это было бы и наивно и смешно. Я просто знаю, к чему каждый раз приводит разрушение цветущей армянской общины. Достаточно вспомнить давнюю индийскую и еще совсем недавнюю египетскую. А теперь очередь за ливанской. И каждый раз — страх перед будущим.

Хотелось бы спросить лидеров армянских политических партий, знают ли они, что газета «Джапха» выпускается правыми экстремистами Ливана, которые получают оружие от США? А ведь эта газета, как здесь уже говорилось, печатает антиармянские выступления, сопровождая их портретом Талаата, заявившего накануне геноцида армян: «Оставить в живых только одного армянина».

В одном из документов, подготовленных ЮНЕСКО, я читал: «Свобода от страха — основное право человека».

* * *

Как известно, ЮНЕСКО решением своего Исполсовета от 3 марта 1978 года приняла новые правила рассмотрения конкретных обращений, касающихся нарушений прав человека. Правила эти предполагают, что любое лицо может письменно обратиться к Генеральному директору ЮНЕСКО, привлекая его внимание не только к отдельному случаю нарушения прав человека, но и к вопросам, касающимся массовых систематических или грубых нарушений этих прав. Как явствует из этого документа, Исполсовет ЮНЕСКО на открытом заседании должен рассмотреть вопросы, которые «касаются массовых, систематических и грубых нарушений прав человека, например, в результате политики агрессии, вмешательства во внутренние дела государств, оккупации иностранной территории и осуществления политики колониализма, геноцида, апартеида, расизма или национального и социального угнетения».

Опираясь на вышеприведенное решение, я считаю своим долгом направить эти мои репортажи как официальный документ в адрес Генерального директора ЮНЕСКО.

Выступая на открытии Международного конгресса по образованию, генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу сказал: «Обучить уважению прав человека — как своих собственных прав, так и других, — иметь мужество отстаивать их в наиболее трудных условиях — важнейшая задача нашего времени».

* * *

Могут сказать, что в Ливане невозможно кого-либо конкретно обвинить или привлечь к ответственности. В таком случае я вновь напомним о документе ЮНЕСКО, в котором говорится, что необходимо рассматривать вопросы, касающиеся массовых, систематических и грубых нарушений прав человека в результате политики агрессии, оккупации, геноцида. Напомним формулу Конвенции о «предупреждении геноцида и наказания за него», одобренную Генеральной Ассамблеей ООН: «Геноцид — это не только физическое уничтожение народа или его части, но и создание тех невыносимых условий жизни, при которых местные жители вынуждены оставлять родные места». В Ливане мы сталкивались с этим на каждом шагу.

Знают ли об этом турки, которые не хотят признать факт геноцида в Османской империи и при младотурках?

* * *

Задумывались ли мы когда-нибудь над тем, что среди многочисленных прав человека, о которых сегодня так много говорится в мире, есть еще и права... умирающих. Причем эти права, как свидетельствует ЮНЕСКО, стоят на первом месте в области здравоохранения. В Бейруте сегодня, когда пишутся эти строки, раненный, подстреленный «снайпером» или просто прохожий, может лежать на улице и умирать, истекая кровью. В Бейруте сегодня ежедневно десятки, если не сотни людей, умирают, не получая даже в последний миг жизни необходимой медицинской помощи. Служба «Скорой помощи», как таковая, практически бездействует, как, впрочем, и служба полиции.

В этой книге я уже писал о том, как братья Табакяны были лишены права похоронить собственную мать, но я не приводил множество примеров, как умирающие люди были лишены возможности сказать свое последнее слово родным и близким.

* * *

Несколько лет назад директор Отдела прав человека и проблем мира ЮНЕСКО, профессор Карел Васак попытался дать определение понятию «права человека» с помощью счетно-вычислительной машины. Профессор заложил в машину 60 тысяч формулировок из текстов различного характера и происхождения с тем, чтобы установить, какие из терминов встречаются наиболее часто. Это, по мнению Карела Васака, дало бы возможность найти наиболее точное определение правам человека. «К великому моему изумлению, — пишет профессор Васак, — чаще всех других слов встречалось слово — «ЗАКОН», то есть, конечно, закон, направленный на установление правопорядка, обеспечивающий свободу для всех и пресекающий ее нарушения, — закон одновременно и международный».

* * *

Даже в столь драматическую пору в армянских кварталах Бейрута были праздники. Вновь в этом заслуга моей родины. В Бейрут один за другим стали прибывать двадцать два современных воздушных лайнера. Они брали старт из Еревана. Несли на своих крыльях тепло рук соотечественников, которые полтора-два часа назад во главе с первым заместителем председателя Совета Министров республики А. М. Киракосяном готовили груз к отправке. Груз мирный: продукты питания и ле-

карства, одежда и обувь, товары для детей и десятки пианино, школьные принадлежности и, конечно, учебники и книги, книги. Книги, без которых нет армянской общины. Нет армянского народа.

* * *

Я расставался с Бейрутом, гордым, несмотря на все испытания, городом. Прощался с городом, где друг на друга похожи лишь разрушенные дома и глаза армянских матерей. С городом, который, несмотря на все выпавшие на его долю испытания, исполнен надежд. Прощался, сознавая, что жизнь моя была бы обеднена, если бы не довелось увидеть Бейрут, прочувствовать его драматическую судьбу. Если бы не довелось приобрести новых друзей. Друзей, которые останутся, чтобы бороться. Если бы не довелось увидеть глаза армянских матерей, красные от слез, яростные от желания сохранить жизнь своих детей. Глаза женщин, чье отчаяние перешло в отчаянную решимость. Глаза, в которых не угасает тоска по матери-Родине.

Декабрь 1978